

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

1897 – 1934

ОДНОТОМНИК

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

МОСКВА

1934

ПОД РЕДАКЦИЕЙ К. ЗЕЛИНСКОГО
ХУДОЖНИК Л. ЭППЛЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Стихотворения, вошедшие в этот Однотомник, были отобраны для печати самим Э. Багрицким. Сюда вошли полностью три его книги: «Юпо-Запад», «Победители» и «Последняя ночь», затем либретто оперы «Дума про Опанаса». Из ранних своих стихотворений Э. Багрицкий включил в Однотомник «Трактир», «Блоку» и «Балладу о Виттингтоне». Настоящее собрание стихотворений может считаться полным собранием стихотворений Эдуарда Багрицкого, признанных им самим лучшими и достойными печати. Однотомнику пришлось стать первым посмертным изданием.

Тексты этой книги были сданы в производство без предварительного просмотра их автором. Э. Багрицкий предполагал проверить их уже в гранках. Смерть поэта (16 февр. 1934 г.) помешала этому. Редакцией все тексты были сверены с первыми изданиями и с рукописями. В этой работе ближайшее участие приняла жена покойного поэта Л. Г. Багрицкая-Суок.

ТРАКТИР

Посвящение 1 (ироническое)

Всем неудачникам хвала и слава!
Хвала тому, кто в жажде быть свободным,
Как дар, хранит свое дневное право —
Три раза есть и трижды быть голодным.
Он слеп, он натывается на стены,
Он одинок. Он ковыляет робко.
Зато ему пребудут драгоценны
Пшеничный хлеб и жирная похлебка.
Когда ж, овеяно предсмертной ленью,
Его дыханье вылетит из мира,
Он сытое найдет успокоенье
В тени обетованного трактира.

Посвящение 2 (романтическое)

Увы, мой друг, мы рано постарели
И счастьем не насытились вполне.
Припомним же попойки и дуэли,
Любовные прогулки при луне.

Сырая ночь окутана туманом...
Что из того? Наш голос не умолк
В тех погребах, где юношам и пьяным
Не отпускают вдохновенья в долг.
Женаты мы. Любовь нас не волнует.
Домашней лирики приходит срок.
Пора! Пора! Уже нам в лица дует
Воспоминаний слабый ветерок.
И у сосновой струганной постели
Мы вспомним вновь в предсмертной
тишине
Веселые попойки и дуэли,
Любовные прогулки при луне.

(Сцена изображает чердак в разрезе. От чердака к низким и рыхлым облакам подымается витая лестница и теряется в небе. Поэт облокотился о стол, опустив голову. На авансцену выходит чтец).

ЧТЕЦ:

Для тех, кто бродит по дворам пустым
С гитарой и ученою собакой,
Чей голос дребезжит у черных лестниц,
Близ чадных кухонь, у помойных ям,
Для тех неунывающих бродяг,
Чья жизнь, как немощенная дорога,
Лишь лужами и кочками покрыта,
Чье достоянье — посох пилигрима,
Или дырявая сума певца, —
Для вас, о неудачники мои,
Пройдет нравоучительная повесть .
О жизни и о тибели певца.
О, вы, имеющие теплый угол,
Постель и стеганое одеяло,
Вы, греющие руки над огнем,
Прислушиваясь к нежному ворчанью
Похлебки в разогретом котелке,—

Внемлите этой повести печальной
О жизни и о гибели певца ¹.

ПЕВЕЦ:

Окончен день и труд дневной окончен:
Башмачник, позабывший вколотить
Последний гвоздь в широкую подошву,
Встречает ночь, удобно завалившись
С женою спать. Портной, мясник и повар
Кончают день в корчме гостеприимной
И пивом, и сосисками с капустой
Встречают наступающую ночь.
Десятый час. Теперь на скользких крышах
Кошачьи начинаются свиданья.
Час воровской работы и любви,
Час вдохновения и час разбоя,
Час, возвещающий о жарком кофе,
О булках с маслом, о вишневой трубке,
Об ужине и о грядущем сне.

¹ От редактора: По первоначальному варианту певец оставался в «заезжем дворе Спокойствие Сердец» и поэма заканчивалась хвалой «хозяину». В этом Багрицкий видел «гибель поэта», побежденного мещанством. Приготовляя «Трактир» для настоящего издания, Багрицкий переделал окончание, придав ему тот вид, который здесь и воспроизводится. Однако, надо полагать по недосмотру, в начале поэмы Багрицкий оставил стих «о жизни и о гибели поэта», теряющий свой смысл при новом окончании поэмы. Несомненно Багрицкий устранил бы эту погрешность в корректуре. Редакция не считает себя вправе сделать то, что не успел сделать автор, и ограничивается одним указанием на противоречие между этим стихом и окончанием поэмы.

И только я, бездельник, не узнаю
Чудесных благ твоих, десятый час.
И сон идет и пухом задувает
Глаза, но только веки опущу,
И улица плывет передо мною
В сиянии разубранных витрин.
Там розовая стонет ветчина,
Подобная прохладному рассвету,
И жир, что обволакивает мясо,
Как облак, проплывающий в заре.
О, пирожки, обваренные маслом,
От жара раскаленной духовой
Коричневым покрытые загаром,
Вас нежный сахар инеем покрыв —
И вы лежите маслянистой грудой
Средь ржавых груш и яблок восковых.
И в темных лавках, среди туш, висящих
Меж ящиков и бочек солонины,
Я вижу краснощеких мясников,
Колбасников в передниках зеленых.
Я вижу, как шатаются весы
Под тягой гири, как нож блестит и сало,
Свистя, разрезывает на куски.
И мнится мне, что голод скользкой мышью
По горлу пробирается в желудок,
Царапается лапками тугими,
Барахтается, ноет и прызет.
О, господи, ты дал мне голос птицы,
Ты языка коснулся моего,
Глаза открыл, чтобы сокрытое узреть,

Дал слух совы и сердце научил
Лад отбивать слагающейся песни.
Но, господи, ты подарить забыл
Мне сытое и сладкое безделье,
Очаг, где влажные трещат дрова,
И лампу, чтоб мой вечер осветить.
И вот глаза я подымаю к небу
И руки складываю на груди —
И говорю: о, боже, может быть,
В каком-нибудь неведомом квартале
Еще живет мясник сентиментальный,
Бормочущий возлюбленной стихи
В горячее и розовое ухо.
Я научу его язык словам,
Как мед тяжелый, сладким и душистым,
Я дам ему свой взор, и слух, и голос,—
А сам — под мышку фартук подвяжу,
Нож наточу, лоснящийся от жира,
И молча стану за дубовой стойкой
Медлительным и важным продавцом.
Но ни один из мясников не сменит
Свой нож и фартук на судьбу певца.
И жалкой я брожу теперь дорогой,
И жалкий вечер без огня встречаю —
Осенний вечер, поздний и сырой.

ЧТЕЦ:

Так, что ни вечер, сетует певец
На господа и промысел небесный.

И вот сквозь пенье скрипок и фанфар,
Сквозь ангельское чинное хваленье,
Господь, сидящий на высоком троне,
Услышал скорбную мольбу певца.
И так сказал:

ГОЛОС:

Сойди, гонец послушный,
С небес на землю. Там в пыли и прахе
Измученного отыщи певца.
За руку возьми и приведи
Его ко мне — в мой край обетованный.
Дай хлеб ему небесный преломить
И омочи его гортань сухую
Вином из виноградников моих.
Дай теплоту ему, и тишину,
И ложе жаркое приуготовь,
Чтоб он вкусил безделие и отдых.
Сойди, гонец!

ЧТЕЦ:

И уж бежит к земле
По лестнице высокой и скрипучей
Гонец ширококрылый. И к нему
Все ближе придвигается земля:
Уже он смутно различает крыши,
Верхи деревьев, купола соборов,
Он видит свет из-за прикрытых ставней
И в уличном сиянии фонарей
Вечерний город — смутен и спокоен.

По лестнице бежит гонец послушный,
Распутывая голубей земных,
Заснувших под застрехами собора.
И грузный разговор колоколов
Гонец впивает слухом непривычным...
Все ниже, ниже в царство чердаков,
В мир черных лестниц, средь стропил
гниющих,
Бежит гонец, и в паутине пыльной
Легко мелькает ясная одежда
И крылья распростертые его.
О, как близка голодная обитель,
Где изможденный молится певец! —
Так поспеши ж, гонец ширококрылый,
Сильней стучи в незапертую дверь,
Чтоб он услышал голос избавленья
От голода и от скорбей земных.

(стук в дверь)

ПЕВЕЦ:

Кто в этот час ко мне стучит!.. Сосед ли,
Пришедший за огнем, чтоб раскурить
Погаснувшую трубку, иль, быть может,
Товарищ мой голодный, как и я?
Войди пришелец!

ЧТЕЦ:

И в комнату идет
Веснущатый, и красный, и румяный,
Рассыльный из трактира, и певец
Глядит на бойкое его лицо,

На руки красные, как сок морковный,
На ясные, лукавые глаза,
Сияющие светом неземным.

ПЕВЕЦ:

О, посещение странное. Зачем
Пришел ко мне рассыльный из трактира?
Давно таких гостей я не встречал
С румянцем жарким и веселым взглядом.

ГОНЕЦ:

Хозяин мой вас приглашает нынче
Отужинать и выпить у него.

ПЕВЕЦ:

Но кто же ваш хозяин и откуда
Он знает обо мне?

ГОНЕЦ:

Хозяин мой
Все песни ваши помнит наизусть.
Хоть и трактирщик он, но все же муза
Поэзии ему близка, и вот
Он нынче приглашает вас к себе.
Скорей собирайтесь. Долог путь —
Остынет ужин прежде, чем дойдем,
И зачерствеет нежный хлеб пшеничный.
Быстрее собирайтесь.

ПЕВЕЦ:

Только в плащ
Закутаюсь и шапку нахлобучу.

ГОНЕЦ:

Пора идти, хозяин ждать не любит.

ПЕВЕЦ:

Сейчас иду. Где мой дорожный шарф?

ЧТЕЦ:

Они идут от чердаков сырых,
От влажных крыш, от труб, покрытых
сажей,
От визга кошек, карканья ворон,
И звона колокольного, все выше
По лестнице опасной и крутой.
Шатаются истертые ступени
Под шагом их. И ухватился крепко
За пальцы провожатого певец.
Все выше, выше, к низким облакам,
Сырым и рыхлым, сквозь дождливый
сумрак,
Раскачиваема упорным ветром,
Крутая летница ведет гонца.
И падая и оступаясь вниз
И за руку вожатого хватаясь,
Певец идет все выше, выше, выше.
От в'едливого холода дрожа.

ПЕВЕЦ:

Опасен путь и неизвестно мне,
Куда ведет он.

ГОНЕЦ:

Не волнуйся. Ты
Сейчас найдешь приют обетованный...

ПЕВЕЦ:

Но я боюсь, от сырости ночной
Скользит нога и лестница трещит...

ГОНЕЦ:

Будь стойким, не гляди через перила,
Держись упорней, вот моя рука —
Она крепка и удержать сумеет.

ЧТЕЦ:

Конец дороги скользкой и крутой.
Раздергиваются облака, треща
Как занавес из коленкора. Свет
От фонаря, повисшего над дверью,
Слепящей пылью дунул им в глаза.
И вывеску огромную певец
Разглядывает с жадным любопытством:
Там кисть широкая намалевала
Оранжевую сельдь на блюде синем,
Малиновую колбасу и чашки
Зеленые с разводом золотым.
И надпись неуклюжая гласит:

«Заезжий двор—спокойствие сердец»

О, вечно восхваляемый трактир,
О, запах пива, пар плывущий тихо
Из широко распахнутых дверей,
У твоего заветного порога
Перекрестились все пути земные.
И вот сюда пришел певец и жадно
Глядит в незапертую дверь твою.
Да, лучшего он пожелать не смел:
Под потолком, где сырость разрослась
Пятном широким, на крюках повисли
Опрямые окорока, и жир
С них каплет мерно на столы и стулья.
У стен, покрытых краскою сырой,
Большие бочки сбиты обручами,
И медленно за досками гудит,
Шипит и бродит хмель пивной. А там,
На низких стойках, жареные рыбы
С куском салата, воткнутом во рты,
Коричневой залитые подливой,
Распластаны на длинных блюдах. Там
Дырявый сыр, пропахший нежной гнилью,
Там сало мраморным лежит пластом,
Там яблоч пруды, и загар медовый
Покрыв их щеки пылью золотой.
А за столом, довольные, сидят
На стульях гости. Чайники кругом,
Как голуби ленивые, порхают,
И чай, журча, струится в чашки. Вот
Куда пришел певец изнеможенный.

И ангел говорит ему:
Иди
И за столом усядься. Ты обрел
Столь долгожданное успокоенье—
Хозяин все тебе дарует.

ПЕВЕЦ:

Но
Чем расплачусь я.

ГОНЕЦ:

Это только мзда
За песни, что слагал ты на земле...

ЧТЕЦ:

С утра до вечера — еда и только...
Певец толстеет. Вместо глаз уже
Какие-то гляделки. Вместо рук—
Колбасы. А стихи давным давно
Забыл он. Только напевает в нос
Похабщину какую-то. Недели
Проходят за неделями. И вот
Еда ему противной стала. Он
Мечтает о работе, о веселых
Земных дорогах, о земной любви,
О голоде, который обучил
Его стихам, о чердаке пустом.
О каплях стеарина на бумаге...
Он говорит:

ПЕВЕЦ:

Ну, хватит, погулял!
Теперь пора домой. Моя работа
Заброшена. Пусти меня. Пора!

ЧТЕЦ:

Но тот, кто пригласил его к себе,
Не отпускает бедного поэта...
Он лучшее питье ему несет,
Он лучшие подсовывает блюда:
Пусть ест! Пусть поправляется! Зачем
Певцу земля, где голод и убийства:
Сиди и ешь! Чего тебе еще?

ПЕВЕЦ:

Пусти меня. Не то я перебую
Посуду в этой комнате постылой.
Я крепок. Я от'елся и теперь
Я буду драться, как последний грузчик.
Пусти меня на землю. У меня
Товарищи остались. Целый мир.
Деревьями поросший и водой
Обрызганный—в туманах и сияньях
Оставлен мной. Пусти меня! Пусти!
Не то я плюну в бороду твою,
Проклятый боров!.. Говорю: пусти!

ЧТЕЦ:

Тогда раздался голос:

ГОЛОС:

Чорт с тобой!
Довольно! Уходи! Катись на землю!

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

От славословий ангельского сброда,
Толпящегося за твоей спиной,
О, Петербург семнадцатого года
Ты косолапой двинулся стопой.
И что тебе прохладный шелест крылий,
Коль выстрелы мигают на углах,
Коль дождь сечет, коль в ночь автомобили
На нетопырьих мечутся крылах.
Нам нужен мир! Простора мало, мало!
И прямо к звездам, в посвист ветровой,
Из копоти, из сумерек каналов
Ты рыжею восходишь головой.
Былые годы тяжело проскрипели,
Как скарбом нагруженные возы,
Засыпал снег цевницы и свирели,
Но нет по ним в твоих глазах слезы.
Была цыганская любовь, и синий
В сусальных звездах детский небосклон.

Все за спиной.
Теперь слепящий иней,
Мигающие выстрелы и стон,
Кронштадтских пушек дальние раскаты.
И ты проходишь в сумраке сыром,
Покачивая головой кудлатой,
Над черным адвокатским сюртуком.
И над водой у мертвого канала,
Где кошки мрут и пляшут огоньки,
Тебе цыганка пела и гадала
По тонким линиям твоей руки.
И нагадала: будет город снежный,
Любовь сжигающая, как огонь,
Путь и печаль...
Но линией мятежной
Рассечена широкая ладонь.
Она сулит убийства и тревогу,
Пожар и кровь и гибельный конец.
Не потому ль на страшную дорогу
Октябрьской ночью ты идешь, певец?
Какие тени в подворотне темной,
Вслед тебе глядят в ночную тьму?

С какою ненавистью неумемной
Они мешают шагу твоему.
О, широта матросского простора,
Там чайки и рыбачьи паруса,
Там корифеем пушечным «Аврора»
Выводит трехлинейек голоса.

Еще дыхание! Выдох! Вспыхнет! Брызнет!
Ночной огонь над мороком морей...
И если смерть—она прекрасней жизни,
Прославленной, чем тысяча смертей.

1921

БАЛЛАДА О ВИТТИНГТОНЕ

Он мертвым пал. Моей рукой
Водила дикая отвага.
Ты не заштопаешь иглой
Прореху, сделанную шпагой.
Я заплатил свой долг, любовь,
Не возмущаясь, не ревнуя,
Не даром помню кровь за кровь
И поцелуй за поцелуи.
О, ночь, в дожде и в фонарях,
Ты дуешь в уши ветром страха,
Сначала судьи в париках,
А там палач, топор и плаха.
Я трудный затвердил урок
В тумане ночи непробудной,
На юг, на запад, на восток
Мотай меня по волнам судно.
И дальний берег за кормой,
Омытый морем, тает, тает,
Там шпага, брошенная мной,
В дорожных травах истлевет.

А с берега несется звон,
И песня дальняя понятна:
«Вернись обратно, Виттингтон,
О, Виттингтон, вернись обратно!»

Был ветер в сумерках жесток.
А на заре сырой и алой
По днищу закрипел песок,
И судно, вздрогнув, затрещало.
Вступила в первый раз нога
На незнакомые от века
Чудовищные берега,
Не видевшие человека.
Мы сваи подымали в ряд,
Дверные прорубали ниши,
Из листьев пальмовых накат
Накладывали вместо крыши.
Мы балки подымали в высь,
Лопатами срывали скалы,
«О, Виттингтон, вернись, вернись», —
Вода у взморья ворковала.
Прокладывали наугад
Дорогу средь степных прибрежий.
«О, Виттингтон, вернись назад», —
Нам веял в уши ветер свежий.
И с моря доносился звон,
Гудевший нежно и невнятно:
«Вернись обратно, Виттингтон,
О, Виттингтон, вернись обратно!»

Мы дни и ночи напролет
Стругали, резали, рубили,
И грузный сколотили пласт
И оттолкнулись и поплыли.
Без компаса и без руля
Нас мчало тайными путями,
Покуда корпус корабля
Не встал, сверкая парусами.
Домой. Прощение дано.
И снова сын приходит блудный.
Гуди ж на мачтах полотно,
Звени и содрогайся судно.
А с берега несется звон,
И песня близкая понятна:
«Уйди отсюда, Виттингтон,
О, Виттингтон, вернись обратно!»

Ю Г О - 3 А П А Д

I

ПТИЦЕЛОВ

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка—и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный,—

Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.
Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый—
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует,—
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный прохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, шелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель

С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай.

ТИЛЬ У ЛЕНШПИГЕЛЬ

Весенним утром кухонные двери
Раскрыты настежь, и тяжелый чад
Плывет из них. А в кухне толкотня:
Разгоряченный повар отирает
Дырявым фартуком свое лицо,
Заглядывает в чашки и кастрюли,
Приподымая медные покрывки,
Зевает и подбрасывает уголь
В горячую и без того плиту.
А поваренок в колпаке бумажном,
Еще неловкий в трудном ремесле,
По лестнице карабкается к полкам,
Толчет в ступе корицу и мускат,
Неопытными путает руками
Коренья в банках, кашляет от чада,
Вползающего в ноздри и глаза
Слезящего...
А день весенний ясен,
Свист ласточек сливается с ворчаньем
Кастрюль и чашек на плите, мурлычет,

Облизываясь, кошка, осторожно
Под стульями подкрадываясь к месту,
Где незамеченным лежит кусок
Говядины, покрытый легким жиром.
О, царство кухни! Кто не восхвалял
Твой синий чад над жарящимся мясом,
Твой легкий пар над супом золотым?
Петух, которого, быть может, завтра
Зарежет повар, распевает хрипло
Веселый гимн прекрасному искусству,
Труднейшему и благодатному...
Я в этот день по улице иду,
На крыши глядя и стихи читая, —
В глазах рябит от солнца, и кружится
Беспутная, хмельная голова.
И синий чад вдыхая, вспоминаю
О том бродяге, что, как я, быть может,
По улицам Антверпена бродил...
Умевший все и ничего не знавший,
Без шпаги—рыцарь, пахарь—без сохи,
Быть может, он, как я, вдыхал умильно
Веселый чад, плывущий из корчмы;
Быть может, и его, как и меня,
Дразнил копченый скорок—и жадно
Густую он проглатывал слюну.
А день весенний сладок был и ясен,
И ветер материнскою ладонью
Растрепанные кудри развевал.
И, прислонясь к дверному косяку,

Веселый странник, он, как я, быть может,
Невнятно напевая, сочинял
Слова еще невыдуманной песни...
Что из того? Пускай моим уделом
Бродяжничество будет и беспутство.
Пускай голодным я стою у кухонь,
Вдыхая запах пиршества чужого,
Пускай истреплется моя одежда,
И сапоги о камни разобьются,
И песни разучусь я сочинять...
Что из того? Мне хочется иного...
Пусть, как и тот бродяга, я пройду
По всей стране, и пусть у двери каждой
Я жаворонком засвищу и тотчас
В ответ услышу песню петуха!..
Певец без лютни, воин без оружия,
Я встречу дни, как чаши до краев
Наполненные молоком и медом.
Когда ж усталость овладеет мной,
И я засну крепчайшим смертным сном,
Пусть на могильном камне нарисуют
Мой герб: тяжелый, ясеневый посох
Над птицей и широкополой шляпой.
И пусть напишут: «Здесь лежит спокойно
Веселый странник, плакать не умевший».
Прохожий, если дороги тебе
Природа, ветер, песни и свобода,
Скажи ему: «Спокойно спи, товарищ,
Довольно пел ты, выспаться пора».

Ночь

Уже окончился день—и ночь
Надвигается из-за крыш...
Сапожник откладывает башмак,
Вколотив последний гвоздь.
Неизвестные пьяницы в пивных
Проклинают, поют, хрипят,
Склерозными раками, желчью пивной
Заканчивая день...
Торговец, расталкивая жену,
Окунается в душный пух,
Свой символ веры—ночной горшок
Задвигая под кровать...
Москва встречает десятый час
Перезваниванием проводов,
Свиданьями кошек за трубой,
Началом ночной возни...
И вот, надвинув кэпи на лоб
И фотогеничный рот
Дырявым шарфом обмотав,

Идет на промысел вор...
И, ундервудов траурный марш
Покинув до утра,
Конфетные барышни спешат
Встречать геров кино.
Антенны подрагивают в ночи
От холода чуждых слов;
На циферблате десятый час
Отмечен косым углом...
Над столом вождя—телефон иссяк,
И зеленое сукно,
Как болото, всасывает в себя
Пресс-папье и карандаши...
И только мне десятый час
Ничего не приносит в дар:
Ни чая, пахнущего женой,
Ни пачки папирос;
И только мне в десятом часу
Не назначено нигде —
Во тьме подворотни, под фонарем —
Заслышать милый каблук...
А сон обволакивает лицо
Оренбургским густым платком;
А ночь насыпает в мои глаза
Голубиных созвездий пух;
И прямо из прорвы плывет, плывет
Витрин воспаленный строй:
Чудовищной пищей пылает ночь,
Стеклянной наледью блюд...
Там всходит опромная ветчина,

Пунцовая, как закат,
И перистым облаком влажный жир
Ее обволоок вокруг.
Там яблок румяные кулаки
Вылазят вон из корзин;
Там ядра апельсинов полны
Взрывчатой кислотой;
Там рыб чешуйчатые мечи
Пылают: «Не заплаги!
Мы голову—прочь, мы руки—долой!
И кинем голодным псам!..»
Там круглые торты стоят Москвой
В кремлях леденцов и слив;
Там тысячу тысяч пирожков,
Румяных, как детский сад,
Осыпала сахарная пурга,
Истыкал цукатный дождь...
А в дверь ненароком: стоит атлет
Средь сине-багровых туш.
Погибшая кровь быков и телят
Цветет на его щеках...
Он вытянет руку—весы не в лад
Качнутся под тягой гирь,
И нож, разрезающий сала пласт,
Летит павлиньим пером,
И пылкие буквы
«МСПО»
Расцветают сами собой
Над этой оголтелой жратвой
(Рычи, желудочный сок!..).

И голод сжимает скулы мои,
И зудом поет в зубах,
И мыльной мышью по горлу вниз
Падает в пищевод...
И я содрогаюсь от скрипа когтей,
От мышшей возни—хвоста,
От медного запаха слюны,
Заливающего гортань...
И в мире остались—одни, одни,
Одни, как поход планет,
Ворота и обручи медных букв,
Начищенные огнем!
Четыре буквы:
«МСПО»,
Четыре куска огня:
Это —
Мир Страстей, Польшай Огнем!
Это —
Музыка Сфер, Пари
Откровением новым!
Это — Мечта,
Сладострастье, Покой, Обман!
И на что мне язык, умевший слова
Ощущать, как плодовой сок?
И на что мне глаза, которым дано
Удивляться каждой звезде?
И на что мне божественный слух совы,
Различающий крови звен?
И на что мне сердце, стучащее в лад
Шагам и стихам моим?!

Лишь поет нищета у моих дверей,
Лишь в печурке юлит огонь,
Лишь иссякла свеча, и луна плывет
В замерзающем стекле...

II

ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

(Томас Гуд)

От песен, от скользкого пота —
В глазах растекается мгла.
Работай, работай, работай
Пчелой, заполняющей соты,
Покуда из пальцев сналета
Не выпрыгнет рыбкой игла!..

Швея! Этой ниткой суровой
Прошито твое бытие...
У лампы твоей бестолковой
Поет вдохновенье твое,
И в щели проклятого крова
Невидимый месяц течет.

Швея! Отвечай мне, что может
Сравниться с дорогой твоей...
И хлеб ежедневно дороже,
И голод постылый тревожит,
Гниет одинокое ложе

Под стужей осенних дождей,
Над белой рубашкой склоняясь,
Ты легкою водишь иглой,—
Стежков разлетается стая
Под бледной, как месяц, рукой,
Меж тем как, стекло потрясая,
Норд-ост заливается злой.

Опять воротник и манжеты,
Манжеты и вновь воротник...
От капли чадящего света
Глаза твои влагой одеты...
Опять воротник и манжеты,
Манжеты и вновь воротник...

О вы, не узнавшие страха
Бездомных осенних ночей!
На ваших плечах—не рубаха,
А голод и пение швей.
Дни, полные ветра и праха,
Да темень осенних дождей!

Швея! Ты не помнишь свободы,
Склонясь над убогим столом,
Не помнишь, как громкие воды
За солнцем идут напролом,
Как в пламени ясной погоды
Касатка играет крылом.

Стежки за стежками, без счета,
Где нитка тропой залегла,—

— Работай работай, работай, —
Поет, пролетая, игла,—
Чтоб капля последнего пота
На бледные щеки легла!..

Швея! Ты не знаешь дороги,
Не знаешь любви наяву,
Как топчут веселые ноги
Весеннюю эту праву...
...Над кровлею месяц убогий,
За ставнями ветры ревут...

Швея! За твою спиною
Лишь сумрак шумит дождевой,—
Ты медленно бледной рукою
Сшиваешь себе для покоя
Холстину, что сложена вдвое,
Рубашку для тьмы гробовой...

Работай, работай, работай,
Покуда погода светла,
Покуда стежками без счета
Играет, летая, игла.
Работай, работай, работай,
Покуда не умерла!..

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

(Р. Борнс)

Три короля из трех сторон
Решили заодно:
— Ты должен сгинуть, юный Джон
Ячменное Зерно!

Погибни, Джон,— в дыму, в пыли,
Твоя судьба темна!
И вот взрывают короли
Могилу для зерна...

Весенний дождь стучит в окно
В апрельском гуле гроз,—
И Джон Ячменное Зерно
Сквозь перегной пророс...

Весенним солнцем обожжен
Набухший перегной,—
И по ветру мотает Джон
Усатой головой...

Но душной осени дано
Свой выполнить урок,—
И Джон Ячменное Зерно
От груза занемог...

Он ржавчиной покрыт сухой,
Он — в полевой пыли...
— Теперь мы справимся с тобой,—
Ликуют короли...

Косою звонкой срезан он,
Сбит с ног, повергнут в прах,
И скрученный веревкой Джон
Трясется на возах...

Его цепами стали бить,
Кидали вверх и вниз,—
И, чтоб вернее погубить,
Подошвами прошлись...

Он в ямине с водой — и вот
Пошел на дно, на дно...
Теперь, конечно, пропадет
Ячменное Зерно!..

И плоть его сожгли сперва,
И дымом стала плоть.
И закружились жернова,
Чтоб сердце размолоть...

. . . . .
Готовьте благородный сок!
Ободьями скреплен

Боченок, сбитый из досок,
И в нем бунтует Джон...

Три короля из трех сторон
Собрались заодно,—
Пред ними в кружке ходит Джон
Ячменное Зерно...

Он брызжет силой дрожжевой,
Клокочет и поет,
Он ходит в чаше круговой,
Он пену на пол льет...

Пусть не осталось ничего,
И твой развеян прах,
Но кровь из сердца твоего
Живет в людских сердцах!..

Кто горьким хмелем упоен,
Увидел в чаше дно —
Кричи:
— Вовек прославлен Джон
Ячменное Зерно!..

РАЗБОЙНИК

(В. Скотт)

Брангельских роцц
Прохладна тень,
Незыблем сон лесной;
Здесь тьма и лень,
Здесь полон день
Весной и тишиной...

Над лесом
Снизилась луна.
Мой борзый конь храпит...
Там замок встал,
И у окна
Над рукоделием,
Бледна,
Красавица сидит...

Тебе, владычица лесов,
Бойниц и амбразур,
Веселый гимн

Пропеть готов
Бродячий трубадур...

Мой конь,
Обрызганный росой,
Играет и храпит,
Мое поместье
Под луной,
Ночной повито тишиной,
В горячих травах спит...

В седле
Есть место для двоих,
Надежны стремяна!
Взгляни, как лес
Курчав и тих,
Как снизилась луна!

Она поет:
— Прохладна тень,
И ясен сон лесной...
Здесь тьма и лень,
Здесь полон день
Весной и тишиной...

О, счастье — прах,
И гибель — прах,
Но мой закон — любить,
И я хочу
В лесах,
В лесах
Вдвоем с Эдвином жить...

От графской свиты
Ты отстал,
Ты жаждою томим;
Охотничий блестит кинжал
За поясом твоим,
И соколиное перо
В ночи
Горит огнем,—
Я вижу
Графское тавро
На скакуне твоём!

Увы!.. Я графов не видал,
И род
Не графский мой!
Я их поместья поджигал
Полуночной порой!..
Мое владенье —
Вдаль и вширь
В ночных лесах лежит,
Над ним кружится
Нетспырь,
И в нем
Сова кричит...

Она поет:
— Прохладна тень,
И ясен сон лесной,
Здесь тьма и лень,
Здесь полон день

Весной и тишиной!
О, счастье—прах,
И гибель—прах,
Но мой закон любить..
И я хочу
В лесах,
В лесах
Вдвоем с Эдвином жить!..

Веселый всадник,
Твой скакун
Храпит под чепраком.
Теперь я знаю;
Ты—драгун
И мчишься за полком...

Недаром скроен
Твой наряд
Из тканей дорогих,
И шпоры длинные горят
На сапогах твоих!..

Увы! Драгуном не был я,
Мне чужд солдатский строй:
Казарма вольная моя —
Сырой простор лесной...

Я песням у дроздов учусь
В передрагсветный час,
В боярышник лисицей мчусь —
От вражьиx скрыться глаз...
И труд необычайный мой

Меня к закату ждет,
И необычайная за мною
В тумане смерть придет...
Мы часа ждем
В ночи, в ночи.
И вот —
В лесах,
В лесах
Коней седлаем,
И мечи
Мы точим на камнях...

Мы знаем
Тысячи дорог,
Мы слышим
Гром копыт,
С дороги каждой
Грянет рог —
И громом пролетит...

Где пуля запоеет в кустах,
Где легкий меч сверкнет,
Где жаркий заклубится прах,
Где верный конь заржет...

И листья
Плещутся, дрожа,
И птичий
Молкнет гам,
И убегают сторожа,

Открыв дорогу нам...
И мы несемся
Вдаль и вширь,
Под лязганье копыт;
Над нами реет
Нетопырь,
И вслед
Сова кричит...

И нам не страшен
Дьявол сам,
Когда пред черным днем
Он молча
Бродит по лесам
С коптящим фонарем...

И графство задрожит, когда,
Лесной взметая прах,
Из лесу вылетит беда
На взмыленных конях...

Мой конь,
Обрызганный росой,
Играет и храпит,
Мое поместье
Под луной,
Ночной повито тишиной,
В горячих травах спит...

В седле есть место
Для двоих,
Надежны стремяна!

Взгляни, как лес
Курчав и тих,
Как снизилась луна!
Она поет:
— Брэнгельских рощ.
Что может быть милей?
Там по ветвям
Стекает дождь,
Там прядает ручей!

О, счастье — прах,
И гибель — прах,
Но мой закон — любить...
И я хочу
В лесах,
В лесах,
Вдвоем с Эдвином жить!..

III

АРБУЗ

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм напряжен,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!
Дубок, шевели парусами!

Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
И тучи сколочены плотно.
И ерзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны—навывает!
Сквозь дождь—наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем наощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель.
И море топчет как рынок,
На мель нас кидает,
Нас гонит на мель,
Последняя наша лутина!
Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней еще не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду, —
Мне жизни веселой теперь не сберечь, —
И руль оторвало, и в кузове течь!..

Пустынное солнце над морем встает,
Чтоб воздуху таять и преться;

Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...
В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдет,
Окончены ветер и качка, —
Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

КОНТРАБАНДИСТЫ

По рыбам, по звездам
    Приносит шаланду:
Три прека в Одессу
    Везут контрабанду.
На правом борту,
    Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки
    Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
    Как мимо просвищит,
Как двинет барашком
    Под звонкое днище,
Чтоб пвюзи звенели,
    Чтоб мачта гудела:
— Доброе дело! Хорошее дело!
    Чтоб звезды обрызгали
Грудю наживы:
    Коньяк, чулки
И презервативы...

Ай, преческий парус!

Ай, Черное море!

Ай, Черное море...

— Вор на воре.

. . . . .

Двенадцатый час —

Осторожное время.

Три пограничника!

Ветер и темень.

Три пограничника,

Шестеро глаз —

Шестеро глаз —

Да моторный баркас...

Три пограничника!

Вор на дозоре!

Бросьте баркас

В басурманское море,

Чтобы вода

Под кормой загудела:

— Доброе дело!

Хорошее дело!

Чтобы по трубам,

В ребра и винт,

Виттовой пляской

Двинул бензин.

Ай, звездная полночь!

Ай, Черное море!

Ай, Черное море!

Вор на воре!

. . . . .

Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развалиясь на корме,
Да видеть звезду
Над бугшпритом склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький,
Мотора дозорного
Скороговорки!
Иль правильной, может,
Сжимая наган,
За вормом следить,
Уходящим в туман...
Да ветер почуять,
Скользкий по жилам.
Вослед парусам,
Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
Встретить во тьме
Усамого прека
На черной корме...
Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,

Чтоб выстрелом рваться
    Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
    Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
    Коверкала рот, —
И петь, задыхаясь,
    На страшном просторе:
Ай, Черное море,
    Хорошее море!..

IV

ОСЕНЬ

По жнитвам, по дачам, по берегам
Проходит осенний зной.
Уже необычнее по ночам
За хатами синий вой.
Да здравствует осень!
Сады и степь,
Горючий морской песок, —
Пропитаны ею, как черствый хлеб,
Который в спирту размок.
Я знаю, как тропами мрак прошит,
И полночь пуста, как гроб;
Там дичь и туман,
В травяной глуши,
Там прыгает ветер в лоб!
Охотничьей ночью я стану там,
На пыльном кресте путей,
Чтоб слушать размашистый плеск и гам
Гонимых на юг гусей!
Я на берег выйду:
Густой, густой

Туман от соленых вод
Клубится и тянется над водой,
Где рыбий косяк плывет.
И ухо мое принимает звук,
Гудя, как пустой сосуд;
И я различаю:
На юг, на юг
Осетры плывут, плывут!
Шипенье подводного песка,
Неловкого краба ход,
И чаек полет, и пробег бычка.
И круглой медузы лед.
Я утра дождусь...
А потом, потом,
Когда распахнется мрак.
Я на гору выйду...
В родимый дом
Направлю спокойный шаг.
Я слышал осеннее бытие,
Я море узнал и степь,
Я свистну собаку, возьму ружье
И в сумку засуну хлеб...
Опять упадает осенний эной.
Густой, как цветочный мед.
И вот над садами и над водсой
Охотничий день встает...

БЕССОННИЦА

Если не по звездам—по сердцебиенью
Полночь узнаешь, идущую мимо...
Сосны за окнами — в черном опереньи,
Собаки за окнами — клочьями дыма.
Все, что осталось!
Хватит! Довольно!
Кровь моя, что ли, не ходит в теле?..
Уши мои, что ли, не слышат вольно?
Пальцы мои, что ли, окостенели?..
Видно и слышно: над прорвою медвежьей
Звезды вырастают в кулак размером!
Буря от Волги, от низких побережий
Черные деревни гонит карьером...
Вот уже по стеклам двинуло дыханье
Ветра и стужи и каторжной погоды...
Вот закачались, загикали в тумане
Черные травы, как черные воды...
И по этим водам, по злему вою.
Крыльями крыльца раздвигая сосны,
Сруб начинает двигаться в прибое,

Круглом и долгом, как гром колесный. .
Словно корабельные пылают знаки,
Стекла, налитые горячей желчью,
Следом, упираясь, тащатся собаки,
Лязгая цепями, скуля по-волчьи...
Лопнул частокол, разлетевшись пеной...
Двор позади... И на просеку разом
Сруб вылетает! Бревенчатые стены
Ночь озирают горячим глазом.
Прямо по болотам, тоня уток,
Прямо по лесам, глухарей пугая,
Дом пролетает, разбивая круто
Камни и кочки и пни подгибая.. .
Это черноморская ночь в уборе
Вологодских звезд — золотых баранок;
Это расступается Черное море
Черных сосен и черного тумана!..
Это летит по оврагам и скатам
Крыша с откинутой назад трубою,
Так что дым кнутом языкатым
Хлещет по стволам и по хвойному прибою...
Это стремглав, наудачу, в прорубь,
Это, деревянные вздувая ребра,
В гору вылетая, гремя под гору,
Дом пролетает тропой недоброй...
Хватит! Довольно! Стой!
На разгоне
Трудно удержаться! Еще по краю
Низкого забора ветвей погоня,
Искры от напора еще играют,

Ветер от разбега еще не сгинул,
Звезды еще рвутся в порыве гонок...
Хватит! Довольно! Стой!
На перину
Падает откинутый толчком ребенок...
Только за оконницей проходят росы,
Сосны кивают синим опереньем...
Вот они, сбитые из бревен и теса,
Дом мой и стол мой: мое вдохновенье!
Прочно установлена косая хвоя,
Врыт частокол, и собака стала.
Милая! Где же мы?
— Дома, под Москвою;
Десять минут ходьбы от вокзала...

ВЕСНА

В аллеях столбов,
По дорогам перронов —
Лягушечья прозелень
Дачных вагонов;
Уже окунувшийся
В масло по локоть
Рычаг начинает
Акать и окать..
И дым оседает
На вохре откоса,
И рельсы бросаются
Под колеса...
Приклеены к стеклам
Влюбленные пары, —
Звонит палисандр
Дачной гитары:
— Ах! Вам не хочется ль
Под-ручку пройтись?..
— Мой милый. Конечно.
Хотится! Хотится!..

А там, над травой,
Над речными узлами,
Весна развернула
    Зеленое знамя, —
И вот из коряг,
    Из камней, из расселин
Пошла в наступленье
    Свирепая зелень...
На голом прутье,
    Над водой невеселой,
Гортань продувают
    Ветвей новоселы...
Первым дроздом
    Закликают леса,
Первою шукой
    Стреляют плеса;
И звезды
    Над первобытною тишью
Распороты первой
    Летучей мышью...
Мне любы традиции
    Мадной игры:
Гнездовья, берлоги,
    Метанье икры...
Но я — человек.
    Я — не зверь и не птица;
Мне тоже хочется
Под-ручку пройтись;
С площадки нырнуть,
    Раздирая пальто,

В набитое звездами
Решето...
Чтоб волком трубя
У бараньего трупа,
Далекую течку
Ноздрями ощупать;
Иль в черной бочаге,
Где корни вокруг,
Обрызгать молоками
Щучью икру;
Гоняться за рыбой,
Кружиться над птицей,
Сигать кожаном
И бродить за волчицей;
Нырять, подползать
И бросаться в угон,—
Чтоб на сто процентов
Исполнить закон;
Чтоб видеть воочью:
Во славу природы
Раскиданы звери,
Распахнуты воды,—
И поезд, крутящийся
В мокрой траве,—
Чудовищный вьюн
С фонарем в голове!..
И поезд от похоти
Воет и злится:
— Хотится! Хотится!
Хотится! Хотится!

ГОЛУБИ

Весна. И с каждым днем невятней
Травой восходит тишина,
И голуби на голубятне,
И облачная глубина.

Пора! Полощет плат крылатый —
И разом улетает в гарь
Сизоголовый и хохлатый
И взмывший веером почтарь.

О, голубиная охота!
Уже воркующей толпой
Воскрылий, шума и помета
Развеян вихрь над головой!

Двадцатый год! Но мало, мало
Любви и славы за спиной.
Лишь двадцать капель простучало
О подоконник жестяной.

Лишь голуби да голубая
Вода. И мол. И волнолом.
Лишь сердце, тишину встречая,
Все чаще ходит ходуном...

Гудит година путевая,
Вагоны, ветер полевой.
Страда распахнута другая.
Страна иная предо мной!

Через Ростов, через станицы,
Через Баку, в чаду, в пыли —
Навстречу Каспий — и дымится
За черной солью Энзели.

И мы на вражеские части
Верблюжий повели поход.
Навыорот летело счастье,
Навыорот, наоборот!

Колес и кухонь гул чугунный
Нас провожал из боя в бой,
Через малярийные лагуны,
Под малярийною луной.

Обозы врозь и мулы — в мыле,
И в прахе гор, в песке равнин,
Обстрелянные, мы вступили
В тебя, наказанный Казвин!

Близ углового поворота
Я поднял голову — и вот
Воскрылий, пуха и помета
Рассеявшийся вихрь плывет!

На плоской крыше плат крылатый
Полощет и взлетает в гарь
Сизоголовый и хохлатый,
И взмывший веером почтарь!

Два года боя. Не услышал,
Как месяцы ушли во мглу:
Две капли стукнули о крышу
И покатались по стеклу...

Через Баку, через станицы,
Через Ростов, назад, назад,
Туда, где Знаменка дымится
И пышет Елисаветград!

Гляжу: на дальнем повороте —
Ворота, сад и сеновал;
Там в топоте и конском поте
Косматый всадник проскакал.

Гони! Через дубняк дремучий,
Вброд или вплавь гони вперед!
Взовьется шашка — и певучий,
Скрутившись, провод упадет..

И вот столбы глухонемые
Нутром не стонут, не поют.
Гляжу: через поля пустые
Тачанки ноют и ползут...

Гляжу: близ Елисаветграда,
Где в суходоле будяки,
Среди скота, котлов и чада
Лежат верблюжские полки.

И ночь и сон. Но будет время —
Убудет ночь, и сон уйдет.
Загикает с тачанки в темень
И захлебнется пулемет...

И нива прахом пропылится,
И пули запоют впотьмах,
И конница по ржам помчится —
Рубить и ржать. И мы во ржах.

И вот станицей журавлиной
Летим туда, где в рельсах лег,
В певучей стае тополиной,
Вишневый город меж дорог.

Полощут кумачом ворота,
И разом с крыши угловой
Воскрылий, пуха и помета
Развеян вихрь над головой.

Опять полощет плат крылатый,
И разом улетают в гарь
Сизоголовый и хохлатый,
И взмывший веером почтарь!

И снова год. Я не услышал,
Как месяцы ушли во мглу.
Лишь капля стукнула о крышу
И покатилась по стеклу...

Покой!.. И с каждым днем невнятной
Травой восходит тишина,
И голуби на голубятне,
И облачная глубина...

Не попусту топтались ноги
Через рокот рек, чрез пыль полей,
Через овраги и пороги —
От голубей до голубей!

ДУМА ПРО ОПАНАСА

*Посіяли гайдамаки
В Україні жито,
Та не вони его жали...
Що мусимо робити?*

Т. Шевченко («Гайдамаки»).

I

По откосам виноградник
Хлопочет листвою,
Где бежит Панько из Балты
Дорогой степною.
Репухи кусают ногу,
Свищет житом пажить,
Звездный Воз дорогу кажет
Оглоблями кажет.
Звездный воз дорогу кажет
В поднебесьи чистом —
На дебелые хозяйства
К немцам-колонистам.
Опанасе, не дай маху,
Оглядишь толково —
Видишь черную папаху
У сторожевого?

Знать, от совести нечистой
Ты бежал из Балты,
Топал к Штолю-колонисту,
А к Махне попал ты!
У Махна по самы плечи
Волосня густая.
— Ты откуда, человеце,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей иль неволей?
— Я, батько, бежал из Балты
К колонисту Штолю.
Ой, грызет меня досада,
Крепкая обида!
Я бежал из продотряда
От Когана-жида...
По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
— Выгребайте из канавы
Спрятанное жито! —
Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка!
Чернозем потек болотом
От крови и пота, —

По всей Украине.
Украина! Мать родная!
Жито молодое!
Опанасу доля вышла
Бедовать с Махною.
Украина! Мать родная!
Молодое жито!
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь — в бандиты!

II

Зашумело Гуляй-поле
От страшного пляса, —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса.
Опанас глядит картиной
В папахе косматой,
Шуба с мертвого раввина
Под Гомелем снята.
Шуба — платье меховое —
Распахнута — жарко!
Френч английского покроя
Добыт за Вапняркою.
На руке с нагайкой крепкой
Жеребьяче мыло;
Револьвер висит на цепке
От паникадила.
Опанасе, наша доля
Туманом повита, —
Хлеборобом хочешь в поле,

А идешь — бандитом!
Полетишь дорогой чистой,
Залетишь в ворота;
Бить жидов и коммунистов —
Легкая работа!
А Махно спешит в тумане
По шляхам просторным,
В монастырском шарабане,
Под знаменем черным.
Стоном стонет Гуляй-поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса...

III

Хлеба собрано немного —
Не скрипеть подводам.
В хате ужинает Коган,
Жигняком и медом.
В хате ужинает Коган,
Молоко хлебает,
Большевицким разговором
Мужиков смущает:
— Я прошу ответить честно,
Прямо без уклона,
Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посевы? Как налоги?
Падают ли овцы?—
В это время по дороге

Топают махновцы...
По дороге пляшут кони,
В землю бьют копыта.
Опанас из-под ладони
Озирает жито.
Полночь сизая, степная
Встала пред бойцами,
Издалека темь ночная
Тлеет каганцами.
Брешут псы сторожевые,
Запевают певни.
Холодком передовые
В'ехали в деревню.
За церковною оградой
Лязгнуло железо:
— Не разыщешь продотряда:
В доску перерезан!—
Хуторские псы, пляшите
На гремячей стали:
Словно перепела в жите,
Когана поймали.
Повели его дорогой,
Сизою, степною, —
Встретился Иосиф Коган
С Нестером Махною!
Поглядел Махно сурово,
Покачал башкою,
Не сказал Махно ни слова,
А махнул рукою!
Ой, дожил Иосиф Коган

До смертного часа,
Коль сошлась его дорога
С путем Опанаса!..
Опанас отставил ногу,
Стоит и гордится:
— Здравствуйте, товарищ Коган.
Пожалуйте бриться!

IV

Тополей седая стая,
Воздух тополиный...
Украина, мать родная,
Песня — Украина!..
На твоём степном раздольи
Сыромаха скачет,
Свищет перекасти-поле
Да ворона кричит...
Всходит солнце боевое
Над степной дорогой,
На дороге нынче двое —
Опанас и Коган.
Над пылающим порогом
Эней дымит и тает;
Комиссар, товарищ Коган,
Барахло скидает...
Растеклось на белом теле
Солнце молодое;
— На, Панько, когда застрелишь...
Возьмешь остальное!
Пары брюк не пожалею,

Пригодятся дома, —
Все же бывший продармеец,
Хороший знакомый!.. —
Всходит солнце боевое,
Кукурузу сушит,
В кукурузе ветер воет
Опанасу в уши:
— За волами шел когда-то,
Воевал солдатом,
Ты ли в сахарное утро
В степь выходишь катом?
И раскинутая в плясе
Голосит округа:
— Опанасе! Опанасе!
Катюга! Катюга!—
Вережит бездомный копец
Под облаком белым;
— С безоружным биться, хлопец,
Последнее дело! —
И равнина волком воет —
От Днестра до Буга,
Зверем, камнем и травой:
— Катюга! Катюга!..
Не гляди же, солнце злое,
Опанасу в очи:
Он грустит, как с перепоя,
Убивать не хочет...
То ль от зноя, то ль от стона
Подошла усталость,
Повернулся:

— Три патрона
В обойме осталось...—
Кровь — постылая обуза
Мужицкому сыну...
— Утекай же в кукурузу —
Я выстрелю в спину!
Не сваю тебя ударом,
Разгуливай с богом!.. —
Поправляет окуляры,
Улыбаясь Коган.
— Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая.
Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая!
Прямо кинешься — в тумане
Омуты речные,
Вправо — немцы-хуторяне,
Влево — часовые!
Лучше я погибну в поле,
Ог пули бесчестной!..

Тишина в степном раздольи,
Только выстрел треснул,
Только Коган дрогнул слабо,
Только ахнул Коган,
Начал сваливаться набок,
Падать понемногу...
От железного удара
Над бровями сгусток,
Поглядишь за окуляры:

Холодно и пусто...
С Черноморья по дорогам
Пыль несется плясом,
Носом в пыль зарылся Коган
Перед Опанасом...

V

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эскадроны
Прямо на дорогу...
От приварка рожки гладки,
Поступь удалая,
Амуниция в порядке,
Как при Николае.
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня

Аккурат неделю.

. . . . .

Не шумит над берегами
Молодое жито, —
За чумацкими возами
Прячутся бандиты.
Там, за жбаном самогона,
В палатке дерюжной,
С атаманом забубенным
Толкует бунчужный:
— Надобно с большевиками
Нам принять сраженье,
Покрутись перед полками,
Дай распоряженье!.. —
Как батько сразмаху двинул
По столу рукою,
Как батько сразмаху грянул
По земле ногою:
— Ну-ка, выдай перед боем
Пожирнее пищу,
Ну-ка, выбей перед боем
Ты из бочек днища!
Чтобы руки к пулеметам
Сами прикипели,
Чтобы хлопцы из-под шанок
Коршуньем глядели!
Чтобы порох задымился
Над водой днестровской,
Чтобы с горя удавился
Командир Котовский!.. —

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы,
Брежут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим --
Смутно изголовье;
Див сулит полночным кличем
Гибель Приднепровью.
А за темными возами,
За чумацкой сонью,
За ковыльными чубами.
За крылом вороньим, —
Омываясь горькой тенью,
Встало над землею
Солнце нового сраженья —
Солнце боевое...

VI

Ну, и взялися ладони
За сабли кривые,
На дыбы взлетают кони,
Как вихри степные.
Кони стелются в разбеге
С дорогою вровень —
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами

Григорий Котовский...
Над конем играет шашка
Проливною силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...
Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
— Налетай, конек, мой дикий.
Копытами двигай,
Саблей, пульей или пикой
Добудем комбрига!.. —
Налетели и столкнулись,
Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись
Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
— Покажи свою замашку
Теперь кулаками! —
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,
Развернулся — и с разгону
Хлобысть по сопатке!..

. . . . .

Опанасе, что с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву сковырнулся...
Глаз над левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле!..

VII

Балта — городок приличный,
Городок, что надо:
Нет нигде румяней вишни,
Слаще винограда.
В брынзе, в кавунах, в укропе
Звонок день базарный;
Голубей гоняет хлопец
С каланчи пожарной...
Опанасе, не гадал ты
В ковыле раздольном,
Что поедешь через Балту
Трактом малохольным;
Что тебе вдогонку бабы
Затоскуют взглядом,
Что пихнет тебя у штаба
Часовой прикладом...
Ой, чумацкие просторы —
Горькая потеря!..

Коридоры в коридоры,
В коридорах — двери.
И по коридорной пыли.
По глухому дому,
Опанаса проводили
На допрос к штабному.
А штабной имел к допросу
Старую привычку —
Предлагает папиросу.
Зажигает спичку:
— Гражданин, прошу по чести
Говорить со мною.
Долго ль Вы шатались вместе
С Нестором Махно?
Отвечай без обмана,
Не испуга ради.
Сколько сабель и тачанок
У него в стряде.
Отвечайте, но не сразу,
А подумав малость, —
Сколько в основную базу
Фуража вмещалось?
Вам знакома ли округа.
Где он банду водит?
— Что я знал: коня, подпругу,
Саблю да поводья!
Как дрожала даль степная,
Не сказать словами:
Украина — мать родная —
Билась под конями!

Как мы шли в колесном гrome,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка!..
Наворачивала удаль
В дым, в жестянку, в бога!..
...Одного не позабуду,
Как скончался Коган...
Разлюбезною дорогой
Не пройдутся ноги,
Если вытянулся Коган
Поперек дороги...
Ну, штабной, мотай башкою,
Придвигай чернила:
Этой самую рукою
Когана убило!..
Погибай же, Гуляй-поле,
Молодое жито!..

. . . . .
Опанасе, наша доля
Туманом повита!..

VIII

Опанас, шагай смелее,
Гляди веселее!
Ой, не гикнешь, ой, не топнешь.
В ладоши не хлопнешь!
Пальцы дружные ослабли
Не вытащат сабли.
Наступил последний вечер,
Покрыть тебе нечем!

Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога.
Что ты видишь? Что ты слышишь?
Что знаешь? Чем дышишь?
Ночь горячая, сухая,
Да темень сарая.
Тлеет лампочка под крышей,
Эй, голову выше!..
А навстречу над порогом —
Загубленный Коган.
Аккуратная прическа
И щеки из воска...
Улыбается сурово:
— Приятель, здорово!
Где нам суждено судьбою
Столкнуться с тобою!
Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога...

ЭПИЛОГ

Протекли над Украиной
Боевые годы.
Отшумели, отгудели
Молодые воды...
Я не знаю, где зарыты
Опанаса кости:
Может, под кустом ракиты,
Может, на погосте...
Плещет крыжень сизокрылый
Над водой днестровской,
Ходит слава над могилой,

Где лежит Котовский...
За бандитскими степями
Не гремят копыта:
Над горячими костями
Зацветает жито.
Над костями голубеет
Непроглядный омут;
Да идет красноармеец
На побывку к дому...
Остановится и глянет
Синими глазами —
На бездомный круглый камень,
Вымытый дождями.
И нагнется и подымет
Одинокий камень:
На ладони — белый череп
С дыркой над глазами.
И промолвит он, почуяв
Мертвую прохладу:
— Ты глядел в глаза винтовке,
Ты погиб, как надо!
И пойдет через равнину,
Через омут зноя,
В молодую Украину,
В жито молодое...

. . . . .

Так пускай и я погибну
У Попова лога,
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган!..

VI

СТИХИ О СОЛОВЬЕ И ПОЭТЕ

Весеннее солнце дробится в глазах,
В канавы ныряет и зайчиком пляшет,
На Трубную выйдешь — и громом в ушах
Огонь соловьиный тебя ошарашит...

Куда как приятны прогулки весной:
Бредешь по садам, пробегаешь базаром!..
Два солнца навстречу: одно над землей,
Другое—расчищенным вдрызг самоваром.

И птица поет. В коленкоровой мгле
Скрывается гром соловьиного лада...
Под клеткою солнце кипит на столе —
Меж чашек и острых кусков рафинада...

Любовь к соловьям—специальность моя.
В различных коленах я толк понимаю:
За лешевой дудкой—вразброд стукотня.
Кукушкина песня и дробь рассыпная...

Ко мне продавец:
— Покупаете? Вот.
Как птица моя на базаре поет!
Червонец — не деньги! Берите! И дома,
В покое, засвищет она по-иному...

От солнца, от света звенит голова...
Я с клеткой в руках дожидаюсь трамвая.
Крестами и звездами тлеет Москва,
Церквами и флагами окружает!

Нас двое!
Бродяга и ты — соловей,
Глазастая птица, предвестница лета,
С тобою купил я за десять рублей —
Черемуху, полночь и лирику Фета!

Весеннее солнце дробится в глазах,
По стеклам течет и в канавы нырлет.
Нас двое.
Кругом в зеркалах и звонках
На гору с горы пролетают трамваи.

Нас двое...
А нашего номера нет...
Земля рассолодела. Полдень допет.
Зеленою смушкой покрылся кустарник.
Нас двое...
Нам некуда нынче пойти;
Трава горячее и воздух угарней —
Весеннее солнце стоит на пути.

Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоешь?
Где я рифмой раскинусь?
Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь —
Распивочно или на вынос?

Мы пойманы оба
Мы оба — в сетях!
Твой свист подмосковный не грянет в
кустах,
Не дрогнут от грома холмы и озера...
Ты выслушан,
Взвешен,
Расценен в рублях...
Греми же в зеленых кусках коленкора,
Как я громыхаю в газетных листах!..

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...

Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной польнью пропитаны воды.—
И горечь полыни на наших губах...
Нам нож — не по кисти,
Перо — не по нраву,
Кирка — не по чести,
И слава — не в славу:
Мы — ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер,
Чуть север —
И мы облетаем.
Чей путь мы собор(о) теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы — ржавых дубов облетевший уют...

РАЗГОВОР С КОМСОМОЛЬЦЕМ Н. ДЕМЕНТЬЕВЫМ

— Где нам столкнуться!
Вы — другой народ!..
Мне — в апреле двадцать,
Вам — тридцатый год.
Вы — уже не юноша,
Вам ли о войне..
— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне..
На плацу, открытом
С четырех сторон,
Бубном и копытом
Дропнул эскадрон;
Вот и закачались мы
В прозелень травы, —
Я — военспецом,
Военкомом — вы..
Справа — курган,
Да слева курган;
Справа — нога,

Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейсс посередке,
Сверху — фуражка...
А в походной сумке —
Спички и табак,
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

Степям и дорогам
Не кончен счет;
Камням и порогам
Не найден счет,
Кружит паучок
По загару щек,
Сабля да книга,
Чего еще?

(Только ворон выслан
Сторожить в полях...

За полями Висла,
Ветер да поляк;
За полями ментик
Вылетает в лог!)
Военком Дементьев,
Саблю наголо!

Прокляют навывлет,
Поддадут кленом,
Голову намылят

Лошадиной пеной...
Степь заместо простыни:
Натянули — раз!
... Добротными саблями
Побреют нас...
Покачусь порубан,
Растянусь в траве, —
Привалюся чубом
К русой голове...
Не дождались гроба мы,
Кончили поход...
На казенной обуви
Ромашка цветет...
Пресловутый ворон
Подлетит в упор,
Каркнет «nevermore» он
По Эдгару По...
«Повернитесь, встаньте-ка,
Затрубите в рог»...
(Старая романтика.
Черное перо!)
— Багрицкий, довольно!
Что за бред!..
Романтика уволена —
За выслугой лет;
Сабля — не гребенка,
Война — не спорт;
Довольно фантазировать,
Закончим спор,
Вы — уже не юноша,

Вам ли о войне...
— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...

Лежим, истлевающие
От глотки до ног...
Не выцвела трава еще
В солдатское сукно;
Еще бежит из тела
Болотная ржавь,
А сумка истлела,
Распалась, рассеклась,
И книги лежат...

На пустошах, где солнце
Зарыто в пух ворон,
Туман, костер, бессонница
Морочат эскадрон. —
Мечется во мраке
По степным горбам:
«Ехали казаки,
Чубы по губам...»

А над нами ветры
Ночью говорят:
— Коля, братец, где ты?
Истлеваю, брат! —
Да в дорожной яме,
В дряни, в лоскутах
Буквы муравьями
Тлеют на листьях...

(Над вороньим кругом —
Звездяный лед,

По степным яругам
Ночь идет...)

Нехристь или выкрест
Над сухой травой, —
Размахнулись вихри
Пыльной булавой.
Вырваны ветрами
Из бочаг пустых,
Хлопают крылами
Книжные листы;
На враждебный Запад
Рвутся по стерням:
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

(Кочуют вороны,
Кружат кусты.
Вслед эскадрону
Летят листы).

Чалый или соловый
Конь храпит.
Вьется слово
Кругом копыт.
Под ветром снова
В дыму щека;
Вьется слово
Кругом штыка...
Пусть покрыты плесенью
Наши костяки,
То, о чем мы думали,

Ведет штыки...
С нашими замашками
Едут пред полком —
С новым военспецом
Новый военком.
Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить...
Пусть другие дразнятся!
Наши дни легки...
Десять лет разницы
Это пустяки!

Трясина

I. НОЧЬ

Ежами в глаза налезала хвоя,
Прели стволы, от натуги воя...

Дятлы стучали, и совы стыли;
Мы челноки по реке пустили.

Трясина кругом да камыш кудлатый.⁵
На черной воде кувшинок заплаты.

А под кувшинками в жидком сале
Черные сомы месяц сосали;

Месяц сосали, хвостом плескали,
На жирную воду зыбь напускали

Комар начинал. И с комарьим стоном
Трясучая полночь шла по затонам.

Шла в зыбуны по сухому краю,
На каждый камыш звезду натыкая...

И вот поползли, грызясь и калечась,
И гад, и червяк, и другая нечисть...

Шли, раздвигая камыш боками,
Волки с булыжными головами.

Видели мы — и поглядка прибыль. —
Узких лисиц, золотых, как рыбы...

Пар оседал малярным зноем,
След наливался болотным гноем,

Прямо в глаза им, сквозь синий студень.
Месяц глядел, непонятный людям...

Тогда-то в болотном нутре гудело:
Он выходил на ночное дело...

С треском ломали его колена
Жесткий тростник, как сухое сено.

Жира и мышц жилимая сила —
Вверх не давала поднять затылок.

В маленьких глазках—в болотной мути—
Месяц кружился, как капля ртути.

Он проходил, как меха вздыхая,
Сизую грязь на гачах вздымая.

Мерно покачиваем трясиной, —
Рылом в траву, шевеля щетиной,

На водопой, по нарываю кочек,
Он продвигался — обломок ночи,

Не замечая, как на востоке.
Мокрой зари проступают соки;

Как над стеной камышевых щеток
Утро восходит из птичьих глоток;

Как в очерете, тайно и сладко,
Ноет болотная лихорадка...

. . . . .
Время пришло стволам вороненым
Правду свою показать затонам,

Время настало в клыкастый камень
Грянуть свинцовыми кругляками.

. . . . .
А между тем по его щетине
Солнце легло, как багровый иней —

Солнце, распухшее, водяное,
Встало над каменной спиною.

Так и стоял он в огнях без счета,
Памятником, что воздвигли болота.

Памятник — только вздыхает глухо,
Да поворачивается ухо...

Я говорю с ним понятной речью:
Самую крупную картечью.

Раз!

Только ухом повел — и разом
Грудью мотнулся и дрогнул глазом.

Два!
Закружились камыш с кугою,
Ахнул зыбун под его ногою...
В солнце, встающее над трясиной,
Он устремился, горя щетиной.
Медью налитый, с кривой губою,
Он, убегая, храпел трубою.
Вплавь по воде, вперережку сушей,
В самое пекло вливаясь тушей, —
Он улетал, уплывал в туманы,
В княжество солнца, в дневные страны...
А с челнока два пустых патрона
Кинул я в черный тайник затона.

II. ДЕНЬ

Жадное солнце вставало дыбом,
Жабры сушило в полях рыбам;
В жарком песке у речных излучий
Разогревало яйца гадючьи;
Сыпало уголь в берлогу волчью,
Птиц умывало горючей желчью;
И, расправляя перо и жало,
Мокрая нечисть солнце встречала.
. . . . .
Тропка в трясине, в лесу просека,
Ждали пришествия человека.

. . . . .
Он надвигался, плечистый, рыжий,
Весь обдаваемый медной жижей,

Он надвигался — и под ногами
Брызгало и дробилось пламя.

И отливало пудсым зноем
Ружье за каменную спиною.

Через овраги и буераки
Прыгали огненные собаки.

В сумерки, где над травой зыбучей
Зверь надвигался косматой тучей,

Где в камышах, в земноводной прелли,
Сердце стучало в огромном теле,

И по ноздрям все чаще и чаще
Воздух врывался струей свистящей.

Через болотную гниль и одурь
Передвигалась башки колода

Кряжистым лбом, что порос щетиной
В солнце, встающее над трясинной.

Мутью налитый болотяною,
Черный, истыканный сединою —

Вот он и вылез над зыбунами
Перед убийцей, одетым в пламя.

И на него, просверкав во мраке.
Ринулись огненные собаки.

Задом в кочкарник упершись твердо,
Зверь превратился в крутую морду,

Тело исчезло, и ребра сжались,
Только глаза да клыки остались,

Только собаки перед клыками
Вертятся огненными языками.

— Побереги! — и, взлетая криво,
Псы низвергаются на закривок.

И закачалось и загудело
В огненных пъявках черное тело.

Каждая быстрая капля крови,
Каждая кость теперь наготове.

Пот оседает на травы ржою,
Едкие слюни текут вожжою.

Дыбом клыки, и дыханье суше. —
Только бы дернуться ржавой туше...

Дернулась!

И, как листье сухое,
Псы облетают, скребясь и воя.

И перед зверем открылись кругом
Медные рожи и топь за лугом.

И, обдаваемый красной жижей,
Прямо под солнцем убийца рыжий.

И побежал, ветерком катимый,

Громкий, сухой одуванчик дыма.

В брюхо клыком — не найдешь дороги.

Двинулся — но подвернулись ноги,

И заскулил и упал, и вольно

Грянула псиная колокольня:

И над косматыми тростниками

Вырос убийца, одетый в пламя...

ПАПИРОСНЫЙ КОРОБОК

Раскуренный дочиста коробок,
Окурки под лампою шаткой...
Он гость — я хозяин. Плывет в уголок
Студеная лодка — кроватька...

— Довольно! Пред нами другие пути,
Другая повадка и хватка!
Но гость не встает. Он не хочет уйти;
Он пальцами, чище слоновой кости,
Терзает и вертит перчатку...

Столетняя палка застыла в углу,
Столетний цилиндр вверх дном на полу,
Вихры над веснушками взреяли, —
Из гроба, с обложки ли от папирос —
Он в кресла влетел и к пружинам прирос.
Перчатку терзая — Рылеев...

— Ты наш навсегда! Мы повсюду с
тобой,

Взгляни!

И рукой на окно:

Голубой

Сад ерзал костями пустыми,
Сад в ночь подымал допотопный костяк,
Вдыхая луну, от бронхита свистя,
Шепча непонятное имя...

— Содружество наше навек заодно!—

Из пруда, прижатого к иве,
Из круглой смородины лезет в окно
Промокший Каховского кивер...

Поручик! Он рвет каблуками траву,
Он бредит убийством и родиной,
Приклеилась к рыжему рукаву
Лягушенья лапка смородины...

Вы тени от лампы!
Вы мокрая дрожь
Деревьез под звездами робкими..
Меня разговорами не проведешь,
Портрет с папиросной коробки...

Я выключил свет — и видения прочь!
На стекла с предательской ленью,
В гербах и султанах надвинулась ночь,
Ночь Третьего отделения...

Пять сосен тогда выступают вперед;
Пять виселиц, скрытых вначале,
И сизая плесень блестит и течет
По мокрой и мыльной мочале...

В калитку врывается ветер шальной.
Отчаянный и бесприютный,—
И ветви над крышей и надо мной
Заносятся как шпицрутены...

Крылатые ставни колотятся в дом.
Скрежещут зубами шарниров,
Как выкрик:

— Четвертая рота — кругом! —

Упрятанных в ночь командиров...
И я пробегаю сквозь строй без конца
В поляны, в леса, в бездорожья...
... И каждая палка пляшет по коже...
В ослиную шкуру стучит кантонист
(Иль ставни хрипят в отдаленьи?)...
А ночь за окном, как шпицрутенов свист.
Как Третье отделение,
Как сосен качанье, как флюгера вой...
И вдруг поворачивается ключ светозвон.

Безвредною синькой покрылось окно,
Окурки под лампою шаткой.
В пустой уголок, где от печки темно,
Как лодка, всплывает кровать...

И я подхожу к ней под гомон и лай
Собак, зараженных бессонницей:
— Вставай же, Всеволод, и всем
володай.

Вставай под осеннее солнце!
Я знаю: ты с чистой кровью рожден.

Ты встал на пороге веселых времен!
Прими ж завещанье:
Когда я уйду
От песен, от ветра, от родины,
Ты начисто вырубь сосны в саду,
Ты выкорчуй куст смородины!..

П О Б Е Д И Т Е Л И

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Я не запомнил — на каком ночлеге
Пробрал меня грядущей жизни зуд.
Качнулся мир.
Звезда споткнулась в беге
И заплескалась в голубом тазу.
Я к ней тянулся... Но, сквозь пальцы рея,
Она рванулась — краснобокий язь.
Над колыбелью ржавые свреи
Косых бород скрестили лезвия.
И все навыворот.
Все как не надо.
Стучал сазан в оконное стекло;
Конь щебетал; в ладони ястреб падал;
Плясало дерево.
И детство шло.
Его опресноками иссушали.
Его свечей пытались обмануть.
К нему в упор придвинули скрижали,
Врата, которые не распахнуть.
Еврейские павлины на обивке,

Еврейские скисающие сливки,
Костыль отца и матери чепец —
Все бормотало мне:

— Подлец! Подлец!

И только ночью, только на подушке
Мой мир не рассекала борода;
И медленно, как медные полушки,
Из крана в кухне падала вода.
Сворачивалась. Набегала тучей.
Струистое точила лезвие...

— Ну, как, скажи, поверит в мир
текучий

Еврейское неверие мое?
Меня учили: Крыша — это крыша.
Груб табурет. Убит подошвой пол.
Ты должен видеть, понимать и слышать.
На мир облокотиться, как на стол.
А древоточца чассовая точность
Уже долбит подпорок бытие.
...Ну, как, скажи, поверит в эту
прочность

Еврейское неверие мое?
Любовь?
Но с'едежные вшами косы:
Ключица, выпирающая косо:
Прыщи; обмазанный селедкой рот.
Да шеи лошадиный поворот.
Родители?
Но в сумраке старея.
Горбаты, узловаты и дики.

РОМАНС КАРПУ

После дождей на Зеленом озере потоп. Рыбоводная станция залита водой. Рыбовод и рабочие заболели. Мальки ценных пород в опасности.

Письмо рабкора

Закованный в бронзу с боков,
Он плыл в темноте колеи,
Мигая в лесах тростников
Копейками чешуи.
Зеленый огонь на щеке,
Обвисли косые усы,
Зрачок в золотом ободке
Вращается, как на оси.
Он плыл, огибая пруды,
Сражаясь с безумным ручьем.
Поборник проточной воды —
Он пойман и приручен.
Лягушника легкий кружок
Откинув усатой губой,

Плывет на знакомый рожок
За крошками в полдень и зной.
Он бросил студеную глубь,
Кустарник, звезду на зыбях,
С пушистой петрушкой в зубах,
Дымясь, проплывая к столу.

ОДА

Настали времена, чтоб оде
Потолковать о рыбоводе.

Пруды он продвинул болотам в тыл,
Советский водяной.

Самцов он молоками налил

И самок набил икрой.

Жуки на березах.

Туман. Жара.

На журавлей урожай.

Он пробует воду:

— Теперь пора!

Плывите и размножайтесь!

(Ворот скрипит: стопорит ржа:

Шлюзы раз'езжаются визжа).

Тогда запеваает во все концы

Вода, наступая упрямо,

И в свадебной злости

Плывут самцы

На стадо беременных самок...

О, ты — человек такой же, как я,
Болезненный и небритый,
Которому жить не дает семья,
Пеленки, тарелки, плиты,
Ты сделался нынче самим собою —
Начальник столпотворенья.

Выходят самцы на бесшумный бой,
На бой за оплодотворенье.
Распахнуты жабры;
Плавник зубчат;
Обложены медью спины...
В любви молчат.
В смерти молчат.
Молча падают в тину.
Идет молчаливая игра:
Подкрадыванье и пляски.
...И звездами от взмаха пера
Взлетает и путается икра
В зеленой и клейкой ряске.

Тогда, закурив, говорит рыбовод:
— Довольно сражаться! Получен при-
плод!

СТАНСЫ

Он трудится, не покладая рук,
Сачком выгребая икру.

Он видит, как в студне точка растет:
Жабры, глаза и рот.

Он видит, как начинается рост,
Как возникает хвост,

Как первым движением плывет малек
На водяной цветок.

И эта крупинка любви дневной,
Этот скупой осколок
В потемки кровей, в допотопный строй
Вводит тебя, ихтиолог.

Над жирными водами встал туман,
Звезда над кустом косматым —
И этот малек, как левиафан,
Плывет по морским закатам.

И первые ветры, и первый прибой,
И первые звезды над головой.

ЭПОС

До ближней деревни пятнадцать верст,
До ближней станции тридцать...
Утиные стойбища (гнилой ворс)
От комарья не укрыться.
Голодные щуки жрут мальков,
Линяет кустарник хилый,
Болотная жижа промежду швов
В'едается в бахилы.
Ползет на пруды с кормовых болот
Душительница—тина,
В расстроенных бронхах
Бронхит поет,
В ушах завывает хина.
Рабочий в жару.
Псмошник пьян.
В рыбозаводе холод.
По заболоченным полям
Рассыпалась рыба молодь.
— На помощь! —
Летит телеграфный зуд
Сквозь морок болот и тленье,
Но филином гукает УЗУ

Над ящиком заявлений.
Из черной куги,
Из прокисших вод
Луна вылезает дыбом.
...Луной открывается ночь. Плывет
Чудовищная Главрыба.
Крылатый плавник и сазаний хвост:
Шальных рыбозодов ересь.
И тысячи студенистых звезд
Ее небывалый нерест.

О, сколько ножей и сколько багров
Ее ударят под ребра!

В каких витринах, под звон и вой,
Она повиснет вниз головой?
Ее окружает зеленый лед,
Над ней огонек белесый.

Перед ней остановится рыбовод,
Пожевывая папиросу.
И в улиц бульжное бытие
Она проплывет в тумане.
Он вывел ее.
Он вскормил ее.
И отдал на растерзанье.

ВЕСНА, ВЕТЕРИНАР И Я

Над вывеской лечебницы синий пар,
Щупает корову ветеринар.

Марганцем окрашенная рука
Обхаживает вымя и репицы плеть.
Нынче корове из-под быка
Мычать и, вытягиваясь, млесть.
Расчищен лопатами брачный круг,
Венчальную песню поет скворец.
Знаки Зодиака сошли на луг:
Рыбы в пруду и в траве Телец.

(Вселенная в мокрых ветках
Топорщится в небеса
Шаманит в сырых беседках
Оранжевая оса,
И жаворонки в клетках
Пробуют голоса).

Над вывеской лечебницы синий пар,
Умывает руки ветеринар.

Топот за воротами.
Поглядим.
И вот, выпячивая бока,
Коровы плывут, как пятнистый дым,
Пропитанный сыростью молока.
И памятью о кормовых лугах
Роса, как бубенчики, на рогах.
Из под мерных ног
Голубой угар.
О чем же ты думаешь, ветеринар?
На этих животных должно тебе
Теперь возложить ладони сви:
Благословляя покой и бег,
И смерть, и мучительный вой любви.

(Апрельского мира челядь,
Ящерицы, жуки,
Они эту землю делят
На крохотные куски;
Ах, мальчики на качелях,
Как вздрагивают суки!)

Над вывеской лечебницы синий пар..
Я здесь! Я около! Ветеринар!

Как совесть твоя, я встал над тобой,
Как смерть, обхожу твои страданные дни!
Надрывайся!
Работай!
Ругайся с женой!

Напивайся!
Но только не измени...
Видишь: падает в крыжки парная звезда.
Мир лежит без межей,
Разутюжен и чист.
Обрастает зеленым,
Блестит, как вода,
Как промытый дождями
Кленовый лист.
Он здесь! Он трепещет невдалеке!
Ухвати и, как птицу, сожми в руке!

(Звезда стоит на пороге—
Не испугай ее!
Овраги, леса, дороги:
Неведомое житье!
Звезда стоит на пороге —
Смотри — не вспугни ее!)

Над вывеской лечебницы синий пар.
Мне издали кланяется ветеринар.

Скворец распинается на шесте.
Земля—как из бани. И ветра нет.
Над мелкими птицами
В пустоте
Постукиванье булыжных планет,
И гуси летят к водяной стране;
И в город уходят служителя,
С огромными звездами наедине
Семенем истекает земля.

(Вставай же, дитя работы,
Взволнованный и босой,
Чтоб взять этот мир, как соты,
Обрызганные росой.
Ах! Вешних солнц повороты,
Морей молодой прибой).

СТИХИ О СЕБЕ

I. ДОМ

Хотя бы потому, что потрясен ветрами
Мой дом от половиц до потолка;
И старая сосна трет по оконной раме
Куском селедочного костяка;
И глохнет самовар, и запевают вещи,
И женщиной пропахла тишина,
И над кроватью кружится и плещет
Дымок ребяческого сна,—
Мне хочется шагнуть через порог знакомый
В звероподобные кусты,
Где ветер осени, шурша снопом соломы,
Взрывает ржавые листья,
Где дождь пронзительный (как леденею
щеки!)
Где гнойники на сваленных стволах,
И ронжи скрежет и отзыв далекий
Гусиных стойбищ на лугах...
И все болотное, ночное колдовское,

Проклятое—все лезет на меня:
Кустом морошки, вкусом зверобоя,
Дымком ночлежного огня,
Мглой зыбунов, где не услышишь шага.
...И вдруг—ладонью по лицу—
Реки расхристанная влага
И в небе лебединый цуг.
Хотя бы потому, что туловища сосен
Стоят, как прадедов ряды,
Хотя бы потому, что мне в ночах несносен
Огонь олонецкой звезды,—
Мне хочется шагнуть через порог знакомый
(С дороги, беспризорная сосна!)
В распахнутую дверь,
В добротный запах дома,
В дымок младенческого сна...

II. ЧИТАТЕЛЬ В МОЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Во первых строках
Моего письма
Путь открывается
Длинный, как тесьма.
Вот, строки раскидывая,
Лезет на меня
Драконоподобная
Морда коня.
Вот скачет по равнине,
Довольный собой,
Молодой гидрограф—

Читатель мой.
Он опережает
Овечий гурт,
Его подстерегает
Кара-курт,
Его сопровождает
Шакалий плач
И пулю посылает
Ему басмач.
Но скачет по равнине,
Довольный собой,
Молодой гидрограф—
Читатель мой.
Он тянет из кармана
Сухой урюк,
Он курит папиросы,
Что я курю;
Как я, он любопытен:
В траве степей
Выслеживает тропы
Зверей и змей.
Полдень придет—
Он слезет с коня,
Добрый словом
Вспомнит меня;
Сдвинет картуз
И зевнет слегка,
Книжку мою
Возьмет из мешка;
Прочтет стишок,

Оторвет листок,
Скинёт пояс —
И под кусток.
Чего ж мне надо.
Мгновенье, стой!
Да здоровствует гидрограф --
Читатель мой!

III. ТАК БУДЕТ

Чорт знает где,
На станции ночной,
Читатель мой,
Ты встретишься со мной.
Сутуловат,
Обветрен,
Запылен,
А мне казалось,
Что моложе он...
И скажет он,
Стряхая пыль травы:
— А мне казалось,
Что моложе вы! —
Так, вытерев ладони о штаны,
Встречаются работники страны.
У коновязи
Конь его храпит,
За сотни верст
Мой самовар кипит,
И этот вечер,

Встреченный в. пути,
Нам с глазу на глаз
Трудно провести.
Рассядемся.
Начнем табак курить.
Как невозможно
Нам заговорить.
Но вот по взгляду,
По движенью рук
Я в нем охотника
Признаю вдруг.
И я скажу:
— Уже на реках лед,
Как запоздал
Утиный перелет,—
И скажет он,
Не подымая глаз:
— Нет времени
Охотиться сейчас.—
И замолчит.
И только смутный взор
Глухонемой продолжит разговор
Пока за дверью
Не затрубит конь,
Пока из лампы
Не уйдет огонь,
Пока часы
Не скажут, как всегда:
— Довольно бреда,
Время для труда!

ВСТРЕЧА

Меня еда арканом окружила;
Она встает эпической угрозой,
И круг ее неразрушим и страшен
Испарина подернула ее...
И в этот день в Одессе на базаре
Я заблудился в грудах помидоров,
Я средь арбузов не нашел дороги,
Черешни завели меня в тупик,
Меня стена творожная обстала,
Стекающая сывороткой на булыжник,
И ноздреватые обрывы сыра
Грозят меня обвалом раздавить.
Еще—на градус выше—и ударит
Из бочек масло раскаленной жижей.
И, набухая желтыми прыщами,
Обдаст камень и зальет меня.
И синемордая тупая брюква,
И крысья, узкорылая морковь,
Капуста в буклях, репа, над которой

Султаном подымается ботва,
Вокруг меня, кругом, неумолимо
Навалены в корзины и телеги,
Раскиданы по грязи и мешкам.
И как вожди с'едобных батальонов,
Как памятники пьянству и обжорству,
Обмазанные сукровицей солнца,
Поставлены хозяева еды.
И я один среди враждебной стаи
Людей, бронированных едою,
Потеющих под солнцем Хаджи-бея.
Чистейшим жиром, жарким, как смола.
И я мечусь средь животов огромных,
Среди грудей, округлых, как боченки,
Среди зрачков, в которых отразились
Капуста, брюква, репа и морковь.
Я одинож Одесское, густое,
Большое солнце надо мною встало,
Вгоняя в землю, в травы и телеги
Колючие отвесные лучи.
И я свищу в отчаяньи, и песня
В три россыпи и в два удара вьется
Бездомным жаворонком над толпой.
И вдруг петух, неистовый и звонкий,
Мне отвечает из-за груды пищи,
Петух—неисправимый горлопан,
Орущий в дни восстаний и сражений.
Оглядываюсь—это он, конечно,
Мой старый друг, мой Ламме, мой товарищ,
Он здесь, он выведет меня отсюда

К моим давно потерянным друзьям!
Он толще всех, он больше всех потеет;
Промокла полосатая рубаша,
И брюхо, вытирающее грозно,
Колышется над пыльной мостовой.
Его лицо багровое, как солнце,
Расцвечено румянами духовки,
И молодость древнейшая играет
На неумело выбритых щеках.
Мой старый друг, мой неуклюжий Ламме.
Ты так же толст и так же беззаботен,
И тот же подбородок четверной
Твое лицо, как прежде, украшает.
Мы переходим рыночную площадь,
Мы огибаем рыбные ряды,
Мы к погребу идем, где на дверях
Отбита надпись кистью и линейкой:
«Пивная госзаводов Пищетрест».
Так мы сидим над мраморным квадратом.
Над пивом и над раками—и каждый
Пунцовый рак, как рыцарь в красных
латах,
Как Дон-Кихот, бессилен и усат.
Я говорю, я жалуюсь. А Ламме
Качает головой, выламывает
Клешни у рака, чмокает губами,
Прихлебывает пиво и глядит
В окно, где проплывает по стеклу
Одесское просоленное солнце,
И ветер с моря подымает мусор

И столбики кружит по мостовой.
Все выпито, все с'едено. На блюде
Лежит опустошенная броня
И кардинальская тиара рака.
И Ламме говорит: —Давно пора
С тобой дотолковать! Ты ослабел,
И желчь твоя разлилась от безделья.
И взгляд твой мрачен, и язык остер.
Ты ищешь нас,—а мы везде и всюду,
Нас множество, мы бродим по лесам,
Мы направляем лошадь селянина,
Мы раздуваем в кузницах горнило,
Мы с школярами заодно зубрим.
Нас много, мы раскиданы повсюду,
И если не певцу, кому ж еще
Рассказывать о радости минувшей
И к радости грядущей призывать?
Пока плывет над этой мостовой
Тяжелое просоленное солнце,
Пока вода прохладна по утрам,
И кровь свежа, и птицы не умолкли,—
Тиль Уленшпигель бродит по земле.

И вдруг за дверью раздается свист
И россыпь жаворонка полевого.
И Ламме опрокидывает стол,
Вытягивает шею— и протяжно
Выкрикивает песню петуха.
И дверь приотворяется слегка,
Лицо выглядывает молодое,

Покрытое веснушками, и губы
В улыбку раздвигаются, и нас
Оглядывают с хитрою усмешкой
Лукавые и ясные глаза.

. . . . .
Я Тиля Уленшпигеля пою

МОЖАЙСКОЕ ШОССЕ

(Автобус)

В тучу, в гулкие потемки,
Губы выкатил рожок,
С губ свисает на тесемке
Звука сдавленный кружок.
Оборвется пропыленный —
И покатится дрожа
На Поклонную, с Поклонной,
Выше. Выше. На Можайск.
Выше. Круглый и неловкий
Он стремится наугад,
У случайной остановки
Пскачнется—и назад.
Через лужи, через озимь,
Прорезиненный, живой,
Обрастающий навозом,
Бабочками и травой —
Он летит, грозы предтеча,
В деревенском блеске бус,

Он кусты и звезды мечет
В одичалый автобус;
Он хрипит неудержимо
(Захлебнулся сгоряча!).
Он обдаст гремучим дымом
Вороненого грача.
Молния ударит мимо
Переплетом калача.
Матершинничает всеу,
Ввинчивает в пыль кусты.
Я за приступ голосую!
Я за взятие! А ты?
И выносит нас кривая,
Раскачнувшись широко!
Над шофером шаровая
Молния, как яблоко.

Все открыто и промыто,
Камни в звездах и росе,
Извиваясь в тучи влито
Дыбом вставшее шоссе.
Над последним косогором
Никого.

Лишь он один —
Тот аквариум, в котором
Люди, воздух и бензин.
И взывая, как оратор,
В сорок лошадиных сил,
Входит равным радиатор
В сочетание светил.

За стеклом орбиты, хорды,
И, пригнувшись, сед и сер,
Кривобокий, косомордый,
Давит молнию шофер.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОЭТА

Весенний ветер лезет вон из кожи,
Калиткой щелкает, кусты корежит,
Сырой забор подталкивает в бок,
Сосна, как деревянное проклятье,
Железный флюгер, вырезанный ятью
(Смотри мой «папиросный коробок»).

А критик за библейским самоваром,
Винтообразным окружен угаром,
Глядит на чайник, бровью шевеля.
Он тянет с блюда,—в сторону мизинец.—
Кальсоны хлопают на мезонине,
Как вымпел пожилого корабля,
И самовар на скатерти бумажной
Протодиаконом трубит протяжно.
Сосед откушал, обругал жену
И благодушествует:
— Ах! Погода!
Какая подмосковная природа!
Сюда бы Фофанова да луну!—

Через дорогу, в хвойном окруженьи
Я двигаюсь взлохмаченною тенью,
Ловлю пером случайные слова,
Благословляю кляксами бумагу.
Сырые сосны отряхают влагу,
И в хвое просыпается сова.
Сопит река.

Земля раздражена.

(Смотри стихотворение «Весна»).
Слова, как ящерица,—не наступишь;
Размеры—выгоднее воду в ступе
Толочь, а композиция встает
Шестиугольником или квадратом;
И каждый образ кажется проклятым,
И каждый звук топырится вперед.
И с этой бандой символсз и знаков
Я, как биндюжник, выхожу на драку
(Я к зуботычинам привык давно).
А критик мой недавно чай откушал.
Статью закончил, радио прослушал
И на терассу распахнул окно.
Меня он видит—он доволен миром —
И тенорком, политым легким жиром,
Пугает галок на кусте сыром.
Он возглашает:

— Прорычите басом,

Чем кончилась волынка с Опасаном,
С бандитом, украинским босяком.
Ваш взгляд от несварения неистов.
Прошу, скажите за контрабандистов,

Чтоб были страсти, чтоб огонь, чтоб гром,
Чтоб жеребец, чтоб кровь, чтоб клубы
дыма,—

Ах, для здоровья мне необходимы
Романтика, слабительное, бром!
Но в этом ли удача из удач?
Я говорю как критик и как врач.
Но время движется. И на дороге
Гниют доисторические дроги,
Булыжником раз'едена трава,
Электротехник на столбы вылазит,—
И вот ползет по укрошенной грязи,
Покачивая бедрами, трамвай.
(Сосед мой недоволен:

— Эт-то проза!)

Но плимутрок из ближнего совхоза
Орет на солнце, выкатив кадык.

— Как мне работать!

Голова в тумане.

И бытием прижатое сознание
Упорствует и выжимает крик.
Я вижу, как взволнованные воды
Зажаты в тесные водопроводы,
Как захлестнула молнию струна.
Механики, чекисты, рыбоводы,
Я ваш товарищ, мы одной породы,—
Побоями нас няньчила страна!
Приходит время зрелости суровой,
Я пух теряю, как петух здоровый.

Разносит ветер пестрые клочки.
Неумолимо, с болью напряженья,
Вылазят кровянистые стручки,
Колючие ошметки и крючки,—
Начало будущего оперенья.

— Ау, сосед!

Он стонет и ворчит:

— Невыносимо плимутрок кричит,
Невыносимо дребезжат трамваи!
Да, вы линяете, милейший мой!
Вы погибаете, милейший мой!
Да, вы в тупик уперлись головой,
И, как вам выбраться, не понимаю.—
Молчи, папаша! Пестрое перо
Топорщится, как новая рубаха.
Петуший гребень дьбится остро;
Я, словно исполинский плимутрок,
Закидываю шею. Кричит рог,—
Крылами раз!—и на забор с размаха,
О, злобное петушье бытие!
Я вылинял! Да здравствует победа!
И лишь перо погибшее мое
Кружится над становищем соседа.

ТБЦ

Пыль по ноздрям—лошади ржут.
Акации сыплются на дрова.
Треплется по ветру рыжий джут.
Солнце стоит посреди двора.
Рычаньем и чадом воздух прорыв,
Приходит обеденный перерыв.

Домой до вечера. Тишина.
Солнце кипит в каждом кремне.
Но глухо от сердца, из глубины
Предчувствие кашля идет ко мне.

И сызнава мир колюч и наг:
Камни—углы и дома—углы;
Трава до оскомины зелена;
Дороги до скрежета белы.
Надсаживаясь и спеша до-нельзя,
Лезут под солнце ростки и Цельсий.

(Значит: в гортани просохла слизь,

Воздух, прожарясь, стекает вниз,
А снизу, цепляясь по веткам лоз,
Плесенью лезет туберкулез).

Земля надрывается от жары.
Термометр взорван. И на меня
Грохоча осыпаются миры
Каплями ртутного огня,
Обжигают темя, текут ко рту.
И вся дорога бежит, как ртуть.
А вечером в клуб (доклад и кино,
Собрание рабкоровского кружка).
Дома же сонно и полутемно:
О, скромная заповедь молока!

Под окнами тот же скопческий вид.
Тот же кошачий и детский мир,
Который удушьем ползет в крови,
Который до отвращения мил,
Чадом которого ноздри, рот,
Бронхи и легкие—все полно,
Которому голосом сковород
Напсминать о себе дано,

Напоминать: «Подремли, пока
Правильно в мире. Усни, сынок».

Тягостно коченеет рука,
Жилка колотится о висок.

(Значит: упорней бронхи сосут
Воздух по капле в каждый сосуд;

Значит: на ткани полезла ржа;
Значит: озноб, духота, жар).
Жилка колотится у виска,
Судорожно дрожит у век.
Будто постукивает слегка,
Остроугольный палец в дверь.
Надо открыть в конце концов!
— Войдите.— И он идет сюда:
Остроугольное лицо,
Остроугольная борода.
(Прямо с простенка не он ли, не он,
Выплыл из воспаленных знамен?
Выпятив бороду, щурясь слегка
Едким глазом из-под козырька).
Я говорю ему: — Вы ко мне,
Феликс Эдмундович? Я нездоров.

...Солнце спускается по стене.
Кошкам на ужин в помойный ров
Заря разливает компотный сок.
Идет знаменитая тишина.
И вот над уборной из досок,
Вылазит неприбранная луна.

— Нет, я попросту—потолковать.—
И опускается на кровать.

Как бы продолжая давнишний спор,
Он говорит: — Под окошком двор
В колючих кошках, в мертвой траве,

Не разберешься, который век.
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди — и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку подстать.
Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», — солги.
Но если он скажет: «Убей», — убей.
Я тоже почувствовал тяжкий груз
Опущенной на плечо руки.
Подстриженный по-солдатски ус
Касался тоже моей щеки,
И стол мой раскидывался, как страна.
В крови и чернилах квадрат сукна,
Ржавчина перьев, бумаги клоч.—
Все друга и недруга стерегло.
Враги приходили — на тот же стул
Садились и рушились в пустоту.
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.
О мать — революция! Не легка
Трехгранная откровенность штыка;
Он вздыбился из гушины кровей
Матерый желудочный быт земли.
Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головой твоей —

Прими на рогатину и повали.
Да будет почетной участь твоя
Умри, побеждая, как умер я.

Смолкает. Жилка о висок
Глуше и осторожней бьет.

(Значит: из пор, как студень сок,
Медленный проступает пот).

И ветер в лицо, как вода из ведра.
Как вестник победы, как снег, как стынь.
Луна лейкоцитом над кругом двора,
Звезды круглы, и круглы кусты.
Скатываются девять часов
В огромную бочку возле окна.
Я выхожу. За спиной засов
Защелкивается. И тишина.
Земля, наплывающая из мглы.
Легла, как неструганная доска.
Готовая к легкой пляске пилы,
К тяжелой походке молотка.
И я ухожу (а вокруг темно)
В клуб, где нынче доклад и кино,
Собрание рабкоровского кружка.

ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ

(Р. Бернс)

Листва набегом ржавых звезд
Летит на землю, и норд-ост
Свистит и стонет меж стволами;
Траву задела седина,
Морозных полдней вышина
Встает над сизыми лесами.
Кто в эту пору изнемог
От грязи нищенских дорог,
Кому проклятья шлют деревни:
Он задремал у очага,
Где бычья варится нога,
В дорожной воровской харчевне;
Здесь Нэнси нищенский приют,
Где пиво за тряпье дают.
Здесь краж проверяется опыт
В горячем чаду ночников.
Харчевня трещит: это топот
Обрушенных в пол башмаков.

К огню очага придвигается ближе
Безрукий солдат, горбоносый и рыжий,
В клочки изодрался багровый мундир.
Свсей одинокой рукою
Он гладит красотку, добытую с бою,
И что ему холодом пахнувший мир.
Красотка не очень красива,
Но хмелем по горло полна,
Как кружку прокисшего пива,
Свой рот подставляет она.
И, словно удары хлыста,
Смыкаются дружно уста.
Смыкаются и размыкаются громко.
Прыщавые лбы освещает очаг.
Меж тем под столом отдыхает котомка—
Знак ордена Нищих.
Знак братства Бродяг.
И кружку подняв над собою,
Как знамя, готовое к бою,
Солодом жарким об'ят,
Так запекает солдат:

— Ах! Я Марсом порожден, в перестрел-
ках окрещен,
Поцарапано лицо, шрам над верхнюю
губою,
Оцарапан — страсти знак! — этот шрам
врубил тесак
В час, как бил я в барабан перед француз-
скою толпою.

И крысы, покрытые салом,
Скрываются по тайникам.
И та, что сидела с солдатом,
Над сборищем встала проклятым.
— Епсоре!—воскликает скрипач.
Косматый вздымается волос;
Скажи мне: то женский ли голос,
Шипение пива, иль плач,

— И я была девушкой юной,
Сама не припомню когда;
Я дочь молодого драгуна,
И этим родством я горда.
Трубили горнисты беспечно,
И лошади строились в ряд.
И мне полюбился, конечно,
С барсучьим султаном солдат.
И первым любовным туманом
Меня он покрыл, как плащом,
Недаром он шел с барабаном
Пред целым драгунским полком;
Мундир полыхает пожаром,
Усы палашами торчат...
Недаром, недаром, недаром
Тебя я любила, солдат.
Но прежнего счастья не жалко,
Не стоит о нем вспоминать,
И мне барабанную палку
На рясу пришлось променять.
Я телом рискнула,—а душу

Священник пустил напрокат.
Ну, что же! Я клятву нарушу,
Тебе изменю я, солдат!
Что может, что может быть хуже
Слюнявого рта старика!
Мой норов с военщиной дружен,—
Я стала женою полка!
Мне все равно: юный иль старый,
Командует, трубит ли в лад,
Играла бы сбруя пожаром,
Кивал бы султаном солдат.
Но миром кончаются войны,
И по миру я побрела.
Голодная, с дрожью запойной,
В харчевне под лавкой спала.
На рынке, у самой дороги,
Где нищие рядом сидят,
С тобой я столкнулась, безногий,
Безрукий и рыжий солдат.
Я вольных годов не считала,
Любовь раздавая свою;
За рюмкой, за кружкой удалой
Я прежние песни пою.
Пока еще глотка глотает,
Пока еще зубы скрипят,
Мой голос тебя прославляет,
С барсучьим султаном солдат! —
И снова женщина встает,
Знакомы ей туман и лед,

В горах случайные дороги,
Косуля, тетерев и лис,
Игла сосны и дуба лист,
Разбойничий двупалый свист,
Непроходимые берлоги.
Ее приятель горцем был,
Он пиво пил, он в рот трубил,
Норд-ост трепал его отрепья,
Он чуял ветер неудач,
Но вот его пеньковой цепью
Почетно обвязал палач.
И нынче пьяная подруга
Над пивом вспоминает друга:

— Под елью Шотландии горец рожден.
Да здравствует клан! Да погибнет закон!
Он знает равнину и камень, и лес.
Мой Джон легконогий, мой горный стрелок!
В тартановом плече, расшитом пестро,
На шапке болотного гуся перо,
Рука на кинжале, и взведен курок,
Мой Джон легконогий, мой горный стрелок!
Мы шли по дороге от Твида до Спей,
Под выдох волынки, под пляску ветвей,
Мы пели вдвоем, мы не чуяли ног,
Мой Джон легконогий, мой горный стрелок!
Его осудили—и выгнали вон,
Но вереск цветет—появляется он;
Рука на кинжале, и взведен курок,
Мой Джон легконогий, мой горный стрелок.

Погоня! Погоня! Исполнился день —
Захвачен Шотландии вольный олень.
Палач. И веревка намылена в срок.
Мой Джон легконогий, мой горный стрелок!
Прощайте, веселые реки мои,
Волынка, попутчица нашей любви.

За ветер, за песни последний глоток!
Мой Джон легконогий, мой горный стрелок!

ХОР

Надо выпить за Джона!
Надо выпить за Джона!
Нет на земле шотландца
Доблестней горца Джона!

Перед шотландскою красоткой
Огромной, рыжей, как кумач,
Стоит влюбившийся скрипач,
Разбитый временем и водкой.
Не достигая до плеча,
Он ей бормочет сгоряча:
— Я джентльмен, и должен я, мой друг,
утешить тебя.
Ты можешь очень весело жить, лишь
скрипача любя,
Я в жертву тебе принести готов и музыку
и себя.
На остальное плевать!

По свадьбам начнем мы ходить с тобой—
что может быть веселей?

О. пляски на фермерском дворе среди золотых полей,

Когда скрипач кричит жениху: — Жених!
наливай полней! —

На остальное плевать.

И солнце покажется нам тогда, как донце кружки пивной,

И ветер подушкой будет нам, пскрывалом — июльский зной,

Любовь и музыка по бокам, котомка—за спиной!

На остальное плевать!

Дсвольно! И скрипку пунцовым платком
С веселою нежностью кутает гном;
Глаза подымает—и видит старик
Огромной возлюбленной пламенный лик...
Но к чорту ломаются стулья и стол,
Кузнец подымается, груб и тяжел,
Моргая глазами, сопя и ворча,
Он в зубы, по правилам, бьет скрипача.
Огромен кузнец. Огневой, кровяной,
Шибает в лицо ему выпивки зной;
Свои бакенбарды из шерсти овечьей
Кладет он шотландке на жирные плечи.
Любви музыканта приходит конец;
Как два монумента—она и кузнец.
Он щиплет ее, запевая спьяна,
И в лад его песне икает она.

— Из Лондона в Глазго стучат мои шаги,
Паяльник мой шипит, и молоток стрекочет,
Распорот мой жилет, и в дырках сапоги,
Но коль кузнец влюблен,—он пляшет и
хохочет...

В солдаты я иду, когда работы нет:
Бесплатная жратва и пиво даровое.
Но, деньги получив, я заметаю след,
Паяльник мой в руках, жаровня за спиною.

ХОР

— О, что тебе скрипач,—он жертва не-
удач.

Сыграет и споет—и песня позабыта.
Твой новый господин—железа властелин:
Он подкует любви веселые копыта!
Пускай горят сердца во славу кузнеца!
Назавтра снова путь, работа спозаранку.
Гремят среди лугов две пары каблуков;
Друг под руку ведет веселую шотландку.

Скрипач не зевает. Долой кузнеца!
Жена хороша у бродяги-певца,
Подобно коту, подошедшему к пище,
Скрипач осторожно мурлычет и свищет,
Нечаянно ногу коленкой прижмет,
Нечаянно плечи рукой обоймет,
Покуда кузнец неуклюже, без правил,
Его не побил и под стол не отправил,

Совсем неудачная ночь!
Как дрозд веселится бродяга-певец.
Дорогам и песням не скоро конец.
Он пышет румянцем, зубами блестит.
Деревьям смеется и птицам свистит.
Для брэнного ж тела он должен иметь
Литровую кружку и добрую снедь.
И в ночь запекает певец:

— Веселого певца
Не услышать вельможам,
Недаром я пою
В лесах, по бездорожьям..
Уродлив посох мой,
Кафтан мой в прахе сером,
Но пчел веселый рой,
Крутятся, летит за мной.
Как прежде за Гомером.

Увы! Кастальский ключ
Не вычерпать стаканом.
От преческой воды
Не быть всеки пьяным.
В поледвечерний час,
Меня приносят ноги
К тебе в приют нестрогий.
Мой нищенский Парнас,
Открытый при дороге.

Дыхание любви
Нежней, чем ветер с юга.

Зови меня, зови,
Бездомная подруга.
Цветет ночная высь,
Травую пруд волнуем,
Чтоб мы, внимая струям,
сошлись и разошлись
С веселым поцелуем.

Встречайте ж день за днем
Свободой и вином...

Над языками фитилей
Кружится сажа жирным пухом,
И вшищие единым духом
Вопят: — Давай! Прими! Налей!
И черной жаждою полно
Их сердце. Едкое вино
Не утоляет их, а дразнит.
Ах, скоро ли настанет праздник,
И воздух горечью сухой
Их напоят. И с головой
Они нырнут в траву поляны,
В цветочный мир, в пчелиный гуд,
Где, на кирку склоняясь, Труд,
Стоит в рубахе полотняной
И отирает лоб. Но вот
Столкнулись кружки, и фагот
Заверещал. И черной жаждой
Пылает и томится каждый.
И в иступленном свете свеч

Они тряпье срывают с плеч;
Густая сажа жирным пухом
Плывет над пьяною толпой...
И нищие единым духом
Орут: — Еще, приятель, пой! —
И в крик и в запах дрожжевой
Певец бросает голос свой:

— Плещет жижей пивною
В щеки выпивки зной!
Начинайте за мною,
Запевайте за мной!
Королевским законам
Нам голов не свернуть.
По равнинам зеленым
Залегает наш путь.
Мы проходим в безлюдьи
С крепкой палкой в руках
Мимо чопорных судей
В завитых париках;
Мимо пасторов чинных,
Наводящих тоску!
Мимо... Мимо...
В равнинах
Воронье на-чеку.
Мы довольны. Вельможе
Не придется заснуть,
Если в ночь, в бездорожье
Залегает наш путь.
И ханже не придется

Похвалиться собой,
Если ночь раздаётся
Перед нашей клюкой...
Встанет полдень суровый
Над раздольями тьмы,
Горечь пива иного
Уж попробуем мы!..
Братья! Звезды погасли,
Что им в небе торчать?
Надо в теплые ясли
Завалиться—и спать.
Но и пьяным и сонным
Затверди, не забудь:
— Королевским законам
Нам голов не свернуть!

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

*Весна еще в намеке
Холодных звезд.
На явор кривококий
Взлетает черный дрозд.*

Фазан взорвался, как фейерверк.
Дробь вырвала хвою. Он
Пернатой кометой рванулся вниз,
В сумятицу вешних трав.

Эрцгерцог вернулся к себе домой.
Разделся. Выпил вина.
И шелковый сеттер у ног его
Расположился, как сфинкс.

Револьвер, которым он был убит,
(Системы не вспомнить мне),
В охотничьей лавке еще лежал
Меж спиннингом и ножом.

Грядущий убийца дремал пока,
Голову положив
На юношески-твердый кулак
В коричневых волосках.

. . . . .

В Одессе каштаны оделись в дым,
И море по вечерам,
Хрипя, поворачивалось на оси.
Подобное колесу.

Мое окно выходило в сад,
И в сумерки, сквозь листву,
Синели газовые рожки
Над вывесками пивных.

И вот на этот шипучий свет,
Гремя миллионом крыл,
Летели скворцы, расшибаясь вдрызг
О стекла и провода.

Весна их гнала из-за черных скал
Бичами морских ветров.

Я вышел...
За мной затворилась дверь...
И ночь, окружив меня
Движеньем крыльев, цветов и звезд,
Возникла на всех углах.

Еврейские домики я прошел.
Я слышал свирепый храп
Биндюжников, спавших на биндюгах.
И в окнах была видна

Суббота в пурпуровом парике,
Идущая со свечой.

Еврейские домики я прошел.
Я вышел к сиянью рельс.
На трамвайной станции млея фонарь.
Окруженный большой весной.

Мне было только семнадцать лет,
Поэтому эта ночь
Клубилась во мне и дышала мной,
Шагала плечом к плечу.

Я был ее зеркалом, двойником,
Вторую вселенной был.
Планеты пронизывали меня
Насквозь, как стакан воды,
И мне казалось, что легкий свет
Сочится из пор, как пот.

Трамвайную станцию я прошел.
За ней невесом, как дым,
Асфальтовый путь улетал, клубясь,
На запад—к морским волнам.

И вдруг я услышал протяжный звук:
Над миром плыла труба,
Изнывая от страсти. И я сказал:
— «Вот первые журавли».

Над пылью, над молодостью моей
Раскатывалась труба,
И звезды шарахались, трепеща,
От взмаха широких крыл.

Еще один крутой поворот —
И море пошло ко мне,
Неся на себе обломки планет
И тени пролетных птиц.

Была такая голубизна,
Такая прозрачность шла,
Что повториться в мире опять
Не может такая ночь.

Она поселилась в каждом кремне
Гнездом голубых лучей;
Она превратила сухой бурьян
В студёные хрустали;
Она постаралась вложить себя
В травинку, в песок, во все—
От самой отдаленной звезды
До бутылки на берегу.

За неводом, у зеленых свай,
Где днем рыбаки сидят,

Я человека увидел вдруг
Недвижного, как валун.

Он молод был, этот человек,
Он юношей был еще,—
В гимназической шапке с большим гербом,
В тужурке, сшитой на рост.

Я пригляделся:
Мне странен был
Этот человек:
Старчески согнутая спина
И молодое лицо.

Лоб, придавивший собой глаза,
Был не по-детски груб,
И подбородок торчал вперед,
Сработанный из кремня.

Вот тут я понял, что это он
И есть душа тишины,
Что тяжестью погасших звезд
Согнуты плечи его,
Что, сам не сознавая того,
Он совместил в себе
Крик журавлей и цветенье трав
В последнюю ночь весны.

Вот тут я понял:
Погибнет ночь

И вместе с ней отпадет
Обломок мира, в котором он
Родился, ходил, дышал.
И только пузырик взовьется вверх,
Взовьется и пропадет.

И снова звезда. И вот рябит.
И парус уходит в сон.

Меж тем подымается рассвет.
И вот, прохоча ведром,
Прошел рыболов и, сев на скалу,
Поплавками истыкал гладь.

Меж тем подымается рассвет.
И вот на кривой сосне
Воздел свою флейту черный дрозд.
Встречая цветенье дня.

А нам что делать?
Мы побрели
На станцию, мимо дач...

Уже дребезжал трамвайный звонок
За поворотом рельс,
И бледной немочью млея фонарь,
Непогашенный поутру.

Итак, все кончено! Два пути!
Два пыльных маршрута вдаль!

Два разных трамвая в два конца
Должны нас теперь умчать!

Но низенький юноша с грубым лбом
К солнцу поднял глаза
И вымолвил:
— «В грозную эту ночь

Вы были вдвоем со мной.
Миру не выдумать никогда
Больше таких ночей...
Это последняя... Вот и все!
Прощайте!»
И он ушел.

Тогда, растворив в зеркалах рассвет,
Весь в молниях и звонках,
Пылая лаковой желтизной,
Ко мне подлетел трамвай.

Револьвер вынут из кобуры
Школяр сбойму вложил.
Из-за угла, где навес кафе,
Эригерцог едет домой.

. . . . .
Печальные дети, что знали мы,
Когда у больших столов
Врачи, постучав по впалой груди,
«Годен», — кричали нам...

Печальные дети, что знали мы,
Когда, прошагав весь день,
В портянках, потных до черноты,
Мы падали на матрац.
Дремота и та избегала нас.
Уже ни свет ни заря,
Врывалась казарменная труба
В отроческой покой.

Не досыпая, не долюбя,
Молодость наша шла.
Я спутника своего искал:
Быть может он скажет мне,
О чем мечтать и в кого стрелять,
Что думать и говорить.

И вот неожиданно у ларька
Я повстречал его.
Он выпрямился... Военный френч,
Как панцырь, сидел в нем,
Плечи, которые тяжесть звезд
Упрямо сгибала вниз,
Чиновничий украшал погон;
И лоб, на который пал
Недавно предсмертный огонь планет,
Чистейший и прубый лоб,
Истыкан был тысячами угрей
И жилами рассечен.

О, где же твой блеск, последняя ночь,
И свист твоего дрозда!

Лужайка—да посредине сапог
У пушечной колен.
Консервная банка раздроблена
Прикладом. Зеленый суп
Сочится из дырки. Бродячий пес
Облизывает траву.
Деревни скончались.
Потоптан хлеб.
И вечером—прямо в пыль
Планеты стекают в крови густой,
Да смутно трубит горнист.
Дымятся костры у больших дорог.
Солдаты колотят вшей.
Над Францией дым.
Над Пруссией вихрь.
И над Россией туман.

Мы плакали над телами друзей;
Любовь погребали мы;
Погибших товарищей имена
Доселе не сходят с губ.

Их честную память хранят холмы
В обветренных будяках,
Крестьянские лошади мнут полынь,
Проросшую из сердец;
Да изредка выгребает плуг
Пуговицу с орлом...

Но мы — мы живы наверняка!

Осыпался, отболев,
Скарлатинозною шелухой
Мир, окружавший нас.

И вечер наш трудолюбив и тих.
И слово, с которым мы
Боролись всю жизнь,—оно теперь
Подвластно нашей руке.

Мы навык воинов приобрели;
Терпенье и меткость глаз;
Уменье хитрить, уменье молчать;
Уменье смотреть в глаза.

Но если, строчки не дописав,
Бессильно падет рука,
И взгляд остановится, и губа
Отвалится к бороде,
И наши товарищи, поплевав
На руки, стащут нас
В клуб, чтоб мы прокисали там
Средь лампочек и цветов,
Пусть юноша (вузовец, иль поэт,
Иль слесарь—мне все равно)
Придет и встанет на караул,
Не вытирая слезы.

ЧЕЛОВЕК ПРЕДМЕСТЬЯ

*Вот зелена прозябли,
Продуты ветром дни,
Мой подмосковный яблык,
Начни, начни...*

Бревенчатый дом под зеленой крышей,
Флюгарка визжит и шумят кусты,
Стоит человек у цветущих вишен:
Герой моей повести — это ты!

. . . . .

Вкруг мира, поросшего нелюдимой
Крапивою, разрозненный мчался быт.
Славянский шкаф и трюба без дыма.
Пустая кровать и дым без трубы.

На голенастых ногах ухваты,
Колоды для пчел—замыкали круг.
А он переминался угловатый,
С большими сизыми кистями рук.

Вот так бы нацелиться—и с налета
Прихлопнуть рукой, коленом прижать...

До скрежета, до ледяного пота,
Стараться схватить, обломать, сдержать!

Недаром учили: клади на плечи,
За пазуху суй, к себе таща,
В закут озечий,
В дом человечесий,
В капустную благодать борща.

И глядя на мир из дверей амбара,
Из пахнувших крысами недр его.
Не отдавай ни сора, ни пара,
Ни камня, ни дерева — ничего!

Что ж, служба на выручку!
Полустанки...
Пернатый фонарь, да гудки в ночи...
Как рыжих младенцев, несут крестьянки
Прижатые к сердцу калачи.

Гремя инструментом, проходит смена.
И там, в коморке проводника,
Дым коромыслом. Попойка. Мена.
На лавках рассыпанная мука.

А все для того, чтобы в предместье
Углами укладывались столбы,
Чтоб шкаф, покружившись, застрял на
месте,
Чтоб дым, завертясь, пошел из трубы.

(Но все же из будки не слышно лая.
Скворешник пустует, как новый дом,
И пухлые голуби не гуляют
Восьмеркою на чердаке дустом).

И вот в улетающий запах пота,
В смолкающий плотничий разговор.
Как выдох, распахиваются ворота —
И женщина влывает во двор.

Пред нею покорно мычат коровы,
Не топоча, не играя зря,
И—руки в бока—откинув ковровый
Платок, она стоит, как заря.

Она расставляет отряды крынок:
Туда—в больницу. Сюда—на рынок,
И, вытянув шею, слышит она
(Тише, деревья, пропустишь сдуру),
Вьющийся с фабрики Ногина
Свист выдаваемой мануфактуры.

Вот ее мир—дрожжевой, густой,
Спит и сопит, молоком насытятся,
Жидкий навоз, над навозом ситец..
Пущенный в бабочку с запятой.
А посередке, крылом звеня,
Кочет вопит над наседкой вялой.

Чорт его знает, зачем меня
В эту обитель нужда загнала!..

Здесь от подушек не продохнуть,
Легкие так и трещат от боли...
Крикнуть товарищей? Иль заснуть?
Иль возвратиться к герою, что ли?!

Ветер навстречу. Скрипит вагон.
Черная хвоя летит в угон.

Весь этот мир, возникший из дыма,
В беге откинувшийся, трубя,
Навзничь: он весь пролетает мимо,
Мимо тебя, мимо тебя!

Он облетает свистящим кругом
Новый забор твой и теплый угол.

Как тебе тошно. Опять фонарь
Млеет на станции. Снова, снова,
Баба с корзинкой. Степная гарь
Да заблудившаяся корова.

Мир переполнен твоей тоской;
Буксы выстукивают: на кой?

На кой тебе это?
Ты можешь смело
Посредине двора, в июльский зной,
Раскинуть стол под скатертью белой
Средь мира, построенного тобой.

У тебя на столе самовар, как глобус,
Под краном стакан, над конфоркой дым;
Размякнув от пара, ты можешь в оба
Теперь следить за хозяйством своим.

О, благодущие! Ты растроган
Пляской телят, воркованьем щей,
Журчаньем в желудке...
А за порогом —
Страна враждебных тебе вещей.

На фабрику движутся, раздирая
Грунт, дюжие лошади (топот, гром).
Не лучше ль стоять им в твоём сарае
В порядке. Как следует. Под замком.

Чтобы дышали добротной скукой
Хозяйство твое и твоя семья,
Чтоб каждая мелочь была порукой
Тебе в неподвижности бытия.

Жара. Не читается и не спится.
Предместье солнцем оглушено.
Зеваю. Закладываю страницу.
И настезь распахиваю окно.

Над миром, надтреснутым от нагрева
Ни ветра, ни голоса петухов...
Как я одиночек. Отзовитесь, где вы,
Веселые люди моих стихов?

Прошедшие с боем леса и воды,
Всем ливням подставившие лицо,
Чекисты, механики, рыбководы,
Взойдите на струганое крыльцо.

Настала пора—и мы снова вместе!
Опять горизонт в боевом дыму!
Смотри же сюда, человек предместий:
— Мы здесь! Мы пируем в твоём доме!

Вперед же, солдатская песня пира!
Открылся поход.
За стеной враги.
А мы постарели.— И пылью мира
Покрылись походные сапоги.

Но все ж, по-охотничьи, каждый зорок.
Ясна поседевшая голова.
И песня просторна.
И ветер дорог.
И дружба вступает в свои права.

Мы будем сидеть за столом веселым
И толковать и шуметь, пока
Не влезет солнце за частоколом
В ушат топленого молока.
Пока не просвищут стрижи. Пока
Не прoderет росяным рассолом
Траву — до последнего стебелька.

И палец поднявши, один из нас
Раздумчиво скажет: «Какая тьма!
Как время идет! Уже скоро час!»
И словно в ответ ему ночь сама
От всей черноты своей грянет: Раз! —

А время идет по навозной жиже.
Сквозь бурю листвы не видать ни зги.
Уже на крыльце оно. Ближе. Ближе.
Оно в сенях вытирает сапоги.

И в блеск половиц, в промытую содой
И щелоком горницу, в плеск мытья,
Оно врывается непогодой,
Такое ж сутуловатое, как я,
Такое ж, как я, презревшее отдых,
И, вдохновеньем потрясено,
Глаза, промытые в сорока водах,
Медленно поднимает оно.

От глаз его не найти спасенья,
Не отмахнуться никак сплеча,
Лампу погасишь. Рванешься в сени.
Дверь на запоре. И нет ключа.

Как ни ломись — не пролomiшь — баста!
В горницу? В горницу не войти!
Там дочь твоя, стриженная, в угластом
Пионерском галстукe, на пути.

И руками комкая одеяло,
Еще сновиденьем оглушена,
Вперед ногами, мало-по-малу,
Сползает на пол твоя жена!

Ты грянешь в стекла. И голубое
Небо рассыпется на куски.
Из окна в окно, закрутясь трубою,
Рванутся дикие сквозняки.

Твой лоб сиянием окровавит
Востока студеная полоса,
И ты услышишь, как время славят
Наши солдатские голоса.

И дочь твоя подымает голос
Выше берез, выше туч, — туда.
Где дрогнул сумрак и раскололась
Последняя утренняя звезда.

И первый зяблик порвет затишье...
(Предвестник утренней чистоты).
А ты задыхаешься, что ты слышишь?
Испуганный, что рыдаешь ты.

Бревенчатый дом под зеленой крышей,
Флюгарка визжит и шумят кусты.

СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ

*Грозно освеженный,
Подрагивает лист.
Ах, пеночки зеленой
Двухоборотный свист!*

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата,
Крашенная дверь.
Тоньше паутины
Из-под кожи щек
Глеет скарлатины
Смертный огонек.

Говорить не можешь —
Губы горячи.
Над тобой колдуют
Умные врачи.
Гладят бедный ежик

Стриженных волос.
Валя, Валентина,
Что с тобой стряслось?
Воздух воспаленный.
Черная трава.
Почему от зноя
Ноет голова?
Почему теснится
В под'язычьи стон?
Почему ресницы
Обдувает сон?

Двери отворяются.
(Спать. Спать. Спать).
Над тобой склоняется
Плачущая мать:

— Валенька, Валюша!
Тягостно в избе!
Я крестильный крестик
Принесла тебе.
Все хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горницах у нас.
Куры не закрыты;
Свиньи без корыта;
И мычит корова
С голоду сердито.
Не противься ж, Валенька,

Он тебя не с'ест,
Золоченый, маленький
Твой крестильный крест.

На щеке помятой
Длинная слеза...
А в больничных окнах
Двигается гроза.

Открывает Валя
Смутные глаза.

От морей ревучих
Пасмурной страны
Наплывают тучи,
Ливнями полны.

Над больничным садом,
Вытянувшись в ряд,
За густым отрядом
Двигается отряд.
Молнии, как галстуки,
По ветру летят.

В дождевом сияньи
Облачных слоев
Словно очертанье
Тысячи голод.

Рухнула плотина —
И выходят в бой

Блузы из сатина
В синьке прозовой.

Трубы. Трубы. Трубы.
Подымают вой.

Над больничным садом,
Над водой озер,
Двигутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они,
(Даль черным черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Писнеры фабрики Ногина.

А внизу склоненная
Изнывает мать:
Детские ладони
Ей не целовать.
Духотой спаленных.
Губ не освежить.
Валентине больше
Не придется жить.

«Я ль не собирала
Для тебя добро?
Шелковые платья,
Мех да серебро,
Я ли не копила,

Ночи не спала,
Все коров доила,
Птицу стерегла.
Чтоб было приданое
Крепкое, недраное,
Чтоб фата к лицу —
Как пойдешь к венцу!
Не противься ж, Валенька!
Он тебя не с'ест,
Золоченый, маленький
Твой крестильный крест».

Пусть звучат постылые
Скудные слова —
Не погибла молодость —
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
на Кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом —
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Валя, Валентина,
Видишь на юру
Базовое знамя
Вьется по шнуру.

Красное полотнище
Вьется над бугром.
«Валя, будь готова!» —
Воскликает гром.

В прозелень лужайки
Капли как польют!
Валя в синей майке
Отдает салют.

Тихо подымается
Призрачно легка,
Над больничной койкой
Детская рука.

«Я всегда готова!»
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.
И потом бессильная
Валится рука —
В пухлые подушки,
В мякоть тюфяка.

А в больничных окнах
Синее тепло,
От большого солнца
В комнате светло.

И припав к постели,
Изнывает мать.

За оградой пеночкам
Нынче благодать.

Вот и все!

Но песня
Не согласна ждать.

Возникает песня
В болтовне ребят.

Подымает песню
На голос отряд.

И выходит песня
С топотом шагов

В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

Апрель—август 1932 г.

ДУМА ПРО ОПАНАСА

ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ

(Либретто посвящается Д. Шмидту)

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Девятнадцатый год. Перрон гор. Балты. На перроне походная кухня. Кашевар раздает еду красноармейцам. У станционного здания торговли и торговли.

ХОР ТОРГОВЦЕВ

Бублики горячие! Бублики горячие!
Бублики горячие! Пирожки!
Ай, кому котлеты! Сахарные дыни!
Вишни! Яблоки! Рожки!

КАШЕВАР

Не торопись, не шуми, ребята.
Хватит на всех, шамовки богато!

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Сверху вода, жирок да грязца,
Мне бы со дна, мне бы мясца.

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Капусты подбавь!

ТРЕТИЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Не пихайся, рыжий!

ЧЕТВЕРТЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

А мне, братишка, налей пожиже.

КАШЕВАР

В затылок вставай! Не толкайся зря!
Братва, держи котелки наготове!

(Появляется красноармеец с письмами).

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Почтарь пришел! Пустить почтаря!
А ну, подавай, что ты приготовил!

ПОЧТАЛЬОН

Которые дома невест имеют,
Теперь, конечно, не пожалеют.
Хватай, Байда, получай, Кривцов,
А вот и Мовшовичу налицо.
Тебе, Опанас, из деревни. Вот
Такой толщины, ажно сумку рвет.
(Красноармейцы, присев на перрон, читают письма)

ОПАНАС

Горе горькое! Конями
Все потоптано кругом.
Мой отец порубан насмерть
Гайдамаком-казаком.

Что ж ты делаешь, невеста,
Одинокая моя?
Гей, вскочу я, полечу я
Да в родимые края.
Позову волов рогатых:
Подымайтесь, цоб-цобе!
Погрущу у старой хаты
Об отце и о себе.
Пусть бойна, а мне бы только
Садик свой да свой домок.
Тихо вишни поспевают,
Зацветают травы в срок.

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Загрустил!

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Чудак — детина!
Хлопнул рюмку — горя нет.

ТРЕТИЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Видно, вспомнил, как у тына
Год назад встречал рассвет.

ОПАНАС

Дома — кровь и смерть повсюду.
Не посеян хлеб. Тоска.
Хлопцы, дунем-ка отсюда,
Не порубаны пока!

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Вот герой, коль взял винтовку,
Так дерись, а не беги...
...Хорошо ты, северянин,
А у нас кругом враги...
...В Красной армии, ребята,
Надо биться до конца...
...У него ж разбита хата,
Хлеб потоптан. Нет отца...

ОПАНАС

Где ты, садик мой вишневый,
Где волик рогатый,
Где подсолнух мой высокий,
Расцветший у хаты?
Павла, горькая невеста,
Рыдай неустанно:
Заросла моя дорога
Кустами бурьяна.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Ну, довольно, хватит, хлопец,
Мы ж нынче воюем.
...Я б такого продармейца
Под спину да к бую.
...Все-таки отец порубан —
Не пес придорожный.
...Замолчи! Нашел в отряде
Товарища тоже...

...Я б его за эти речи
К стенке да на мушку...
...Зря, царнишка, поднимаешь
Теперь заворушку...

(Из станционного здания выходит комиссар отряда
Коган, молодой еврей, в студенческой фуражке, с
большим маузером через плечо).

КОГАН

Тише, товарищи, что за свара:
Драка? Попойка? Скандал? Пожар?

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Хлопцы! Давай сюда комиссара!
Он разберется! Где комиссар?

КОГАН

Вы пообедать мне не даете:
Только за ложку — и слышу крик!

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

У нас началась заворуха в роте.
Панько, не отвливай, говори!

ОПАНАС

Похилился мой подсолнух,
Раскидана хата,
Над деревнею гуляет
Пожар языкатый.
И стоит моя невеста

На скорбной дороге,
Вьется колос одинокий
О смуглые ноги.
И лежит отец мой в яме,
Забыт сыновьями;
Только ветер над могилой
Да ворон постылый.
Чернозем потек болотом
От крови и пота,
Не хочу махать винтовкой ---
Хочу на работу...

КОГАН

Вот получите — народная песня!
Ты же не дома, ты ж на войне.
Хочешь — не хочешь, хоть рвись, хоть
тресни,
Должен служить, подчиняясь мне.
Ты ж для себя, для себя. понятно.
Кровь проливаешь! Пойми, чужак!
Мир этот твой—не иди ж обратно...
Твой это лес. Это твой овраг.
Каждой кровинкой и каплей пота
Ты заработал это добро.
Коль отнимают—тогда в два счета,
В полоборота—и штык в ребро!

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Правильно, товарищ комиссар.
Правильно, товарищ комиссар.

ОПАНАС

Отпусти меня работать,—
Я в деревню побегу.

КОГАН

Если ты уйдешь отсюда —
Это на-руку врагу.

ОПАНАС

Я домой хочу!

КОГАН

Товарищ,
Не волнуйся, не кричи.

ОПАНАС

Я домой хочу! Потоптан
Хлеб! Раскиданы бахчи!

КОГАН

Я тебя своею волей
Не могу пустить домой.

ОПАНАС

Ой! Не лучше ли прикладом
Разговаривать с тобой.
(Замахивается на Когана прикладом.)

КОГАН

Ты посмел перед отрядом
Замахнуться кулаком.

По-бандитски комиссару
Начал угрожать штыком.
Все равно, спяна иль сдуру,
Но за драку разочтись. (*Обращаясь к
красноармейцам*).
Отвести в комендатуру
И по хатам разойтись.

(Уходит в станционное здание. Красноармейцы рас-
ходятся, кроме двух, подошедших к Опанасу).

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Скоро двенадцать! Время не ждет!

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ.

Ну-ка, братишка, ступай вперед.

ОПАНАС

Не опоздаем, друзья, ей-богу,
Мне бы подсолнухов на дорогу.
Дай-ка покурим. Пойдем потом.
Времени много. Не пропадем.

(Покупают подсолнухи и усаживаются на перрон

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

(*Вытаскивает газету*).

Как ни читай, а везде одно —
Сгинул Махно. Вылез Махно.

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ.

Бьют его, гада, и в хвост и в гриву,
Как удастся ему быть живу?

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Чорт его знает, скользнет гадюка —
Вот наступил. Он мелькнет и нет.

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ.

Средь кулаков у него порука;
Он, понимаешь, их вождь вполне.

ОПАНАС

Надо бежать. Без оглядки. К бесу.
Бросить отряд. Я хочу домой.
Если бы поезд. Сначала к лесу,
После полями, а там тропой.
Если бы поезд! Если бы поезд!
Он бы подвез меня! Выручай!

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Слушай, парнишка, поправь-ка пояс,
Шапку надвинь и вперед ступай.

(Слышен свист приближающегося паровоза. На перрон выходит дежурный по станции с жезлом. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее проходит эшелон, груженный красноармейцами. На сетке паровоза матросы в синих голландках, рыжие и румяные, как огромные куклы. На боку паровоза надпись: «Дашь Деникина». Из распахнутых теплушек торчат пулеметы. Над ними замурзанные красноармейские лица).

ПЕСНЯ

Как с востока дунул ветер
Буревой.

Закружилось все на свете,
Конь заржал под грохот бубна
Боевой.

Душен день! Земля в пожаре!
Подымайся, пролетарий!
Здравствуй, чайник мой жестяной
Вновь пришла твоя пора,
На привале бездорожном
Нагревайся у костра.
Здравствуй, старая винтовка,
Здравствуй, мой германский штык
Ночевать в соседстве с вами
Я, как следует, привык.
В край, морозом сбожженный,
В дебри мерзнувшей страны.
Мчатся наши эшелоны,
Как предвестники весны.
Мы на битву мировую
Подымаемся не зря:
Рыбаки из-под Одессы,
От Наваля слесаря!
Это мы—восточный ветер
Буревой
Это наш над миром голос
Боевой.
Близок час! Земля в пожаре!
Подымайся, пролетарий!

(Проходит последний вагон с одиноким кондуктором.
Опанас отталкивает часовых и вскакивает на под-
ножку).

ОПАНАС.

Я расплевался теперь с тюрьмой,
Кому на фронт, а кому домой.

(Поезд исчезает).

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Украинская хата. На беленых стенах рушники и паласы. В углу большая кровать со взбитыми подушками. В хате чувствуется какая-то неправильность: на глиняном полу валяются седла, в одном из углов — винтовка, казацкая сабля лежит на столе. Павла, невеста Опанаса, шьет. Молодой человек в преувеличенных галифе шагает по комнате. На печке храпит черная человеческая туша. Молодой человек, ад'ютант Махно, подсаживается к Павле.

АД'ЮТАНТ

Как! Вы даже Пушкина не читали?
Какая отсталость, скандал какой!

ПАВЛА

А вы бы, хлопец, мне не мешали.
Под носом усы, а такой дурной!

АД'ЮТАНТ

Прошу покорно, без оскорблений!
Я страшен в гневе,
Я лют, как зверь! (*Пытается обнять ее*).

ПАВЛА

Без рук! Я теряю уже терпенье!
Ей богу, я выставлю вас за дверь.
(Обиженный ад'ютант подходит к окну. Павла шьет, напевая)

ПЕСНЯ ПАВЛЫ

С Карпат на Украину
Пришел солдат небритый,
Его шинель в лохмотьях
И сапоги разбиты.
Пропахший мглой ночлегов
И горечью махорки,
С георгиевской медалью
На рваной гимнастерке,
Он встал перед простором
На брошенном погосте.
Четыре ветра кличут
К себе солдата в гости.

Взывает первый ветер:
«В моем краю хоромы,
Еда в стеклянных бочках,
В больших машинах громы,
Горит вино в стаканах,
Клубится пар над блюдом...
Иди! Ты будешь главным
Над подневольным людом!»

Второй взывает ветер:
«В моем краю широком
Взлетели кверху сабли,
Рванулась кровь потоком,
Там рубят и гуляют,
Ночуют под курганом...

Иди ко мне — ты будешь
Свободным атаманом!»

Взывает третий ветер:
«Мой тихий край спокоен,
Моя пшеница зреет,
Мой тучный скот удоен.
Когда закроешь веки,
Жена пойдет за гробом...
Иди ко мне — ты будешь
Достоинным хлеборобом».

Кричит четвертый ветер:
«В моем краю пустынном
Одни лишь пули свищут
Над брошенным овином.
Копытом хлеб потоптан,
Нет крова и нет пищи...
Иди ко мне — здесь братья
Освобождают нищих».

Кружат четыре ветра.
Трубят. Листву взметают.
Стоит солдат и толком,
Куда пойти, не знает.

(Дверь распахивается, на пороге Опанас).

ПАВЛА

Опанас? Когда? Откуда?

ОПАНАС

Из Балты, конечно!

ПАВЛА

Отпускной? Иль бросил службу?

ОПАНАС

Что ж, служба не вечна.
Я мечтал о том, как встану
На тихом пороге,
Как стряхну шинель на лавку,
Как вымою ноги!

ПАВЛА (*тихо*)

Коль пришел, на себя и сетуй.
Нынче здесь на селе Махно.
Ад'ютант его, видишь, этот
Человек, что глядит в окно.
У меня помещенье штаба.
Спит начальник под потолком.
Я, конечно, тебя могла бы
Из села проводить тайком,
Да боюсь, что тебя узнают,
Продармеец ты как никак.

ОПАНАС (*громко*)

Я теперь хлебороб! Хозяин!
Я не воин теперь! Не враг!

(Разбуженный его голосом, просыпается человек, спавший на печке — начальник махновского штаба. Он фыркает и свешивает ноги в громадных рыжих сапогах).

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Фу, до чего болит голова!

Всего четвертуху выпил, а глянь
Во рту, как разжеванная трава,
В мозгу развелась какая-то дрянь.
(Ад'ютанту). А ну, Петрусь, подай
огурец!

АД'ЮТАНТ

Корку пожуй, — ничего, пройдет.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Как ты отвечаешь? Кто военспец!
Руки по швам! Брюхо вперед!
Вечно от пьянства со мной беда...
(Опанасу). Эй, незнакомец, поди сюда.
Где б закусить, отвечай скорей.
Коли штыком! Прикладом отбей!

ОПАНАС

Я пришел сюда недавно,
Мне хозяйство ново,
Как мне вам помочь, товарищ,
Не знаю толково.
Будьте ласковы, скажите,
Народ вы бывалый,
Разрешит батько крестьянам
Работать помалу?

АД'ЮТАНТ

Анархия — высший порядок! Она
Не может поставить преград.

Мы вольной работы взрастим семена,
Из дебрей мы сделаем сад.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Легче! Сначала добыть нам надо
Немного пушек, людей в отряды,
Сала шматов, горелки глоток
Да огурец, просоленный впрок.

ОПАНАС

А скажите-ка по чести,
Как Махно? Суров он?

АДЪЮТАНТ

Поглядит. Покажет пальцем,
К стенке — и готово!

ОПАНАС

Очень уж его боятся
Различные люди.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Все ж Раиса Николавна
Посурьезней будет!

ОПАНАС

Кто ж она? Скажите честно,
Жена иль невеста?

АДЪЮТАНТ

В пустынном еврейском местечке,

Где козы, молельня, овраг,
В ночи, на скрипучем крылечке,
Девичий послышался шаг.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Мы думали раньше — шпionка
Вотрется, а после продаст;
Иль просто шальная девчонка,
В дороге ненужный балласт.

АД'ЮТАНТ

Откуда она — неизвестно.
Где дом ее? Кто отец?
Помещик ли мелкопоместный?
Фальшивомонетчик? Купец?

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Она жестока доотказа,
Страданья ее не смутят.

АД'ЮТАНТ

А ну-ка попробуй приказа
Не выполнить — будешь не рад.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Декреты, допросы, расстрелы,
Дела по из'ятью зерна,
Рукой молодой, загорелой
Подписывает она.
По-моему: дело не чисто.

Недаром, ее увидав,
Лохматые анархисты
Смиряют свой бешеный нрав.

ПАВЛА

Да, чортова эта красотка.
Тихоня, но лучше не тронь:
По виду она счетоводка,
А глянет — и вспыхнет огонь!

(Входит с грохотом Махно, окруженный штабом
Среди штабных Раиса Николаевна, молодая жен-
щина, одетая по-городскому, с портфелем).

МАХНО

Все в порядке. Мы сегодня
Отдохнем немного,
Кони пожуют, а завтра
Новая дорога.
(Павле). Ты кого пустила в хату?
Отвечай скорее!

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Гимнастерка да обмотки,
Ясно — продармец.
Допросить его придется!

ПАВЛА

Он жених мой, братцы!

ОПАНАС

Мне, батько, теперь ей-богу
Некуда деваться.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Будешь отвечать винтовке
Под стеной сарая.
Что ж ты станешь делать дальше?
Говори!

ОПАНАС

Не знаю.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Так. Не знаешь. Добровольно
Ты служил в отряде?

ОПАНАС

Нет, я был мобилизован.

ПАВЛА

Бросьте, бога ради!

МАХНО

Брось, Раиса Николаевна.
Ты же, не виляя,
Отвечай: бежал откуда,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей или неволей?

ОПАНАС

Я, батько, бежал из Балты
Да за новой долей.
Ой, грызет меня досада,

Крепкая обида.
Я бежал из продотряда
От Когана-жида.
По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище.
Глянет влево, глянет вправо
Засопит сердито:
— Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!
Ну, а кто подымет бучу,
Не шуми, братишка,
Усом в мусорную кучу:
Расстрелять и крышка.
Чернозем потек болотом
От крови и пота.
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу.
Мне бы нынче за волами
Пойти, распевая.

МАХНО

У тебя теперь, братишка,
Дорога другая.
У тебя дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Как ни вертись, выхода нет:
С нами иль против нас!
Против — так пулю хватай в ответ.
С нами — вперед сейчас!

ПАВЛА

Подумай, Панько, куда идешь.
Что тебя дальше ждет.
Бахча погибнет,
Засохнет рожь,
Последний вол падет.

МАХНО

Дайте шубу Опанасу
Сукна городского;
Поднесите Опанасу
Вина молодого;
Сапоги подколотите
Кованым железом,
Дайте шапку, наградите
Бомбой и обрезом!
Мы пойдем с тобой далече
От края до края.

ОПАНАС

Шел домой, а стал бандитом!
Как — не понимаю!

ХОР ШТАБНЫХ

Опанасе, наша доля

Машет саблей ныне,
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Украина — мать родная —
Жито молодое.
Опанасу доля вышла
Бедовать с Махною.
Украина — мать родная —
Молодое жито.
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь бандиты.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Внутренность небольшого хутора. Тачанки, колеса, дуги, пулеметные станки. Начальник штаба стоит у дверей хаты. Несколько махновцев работают во дворе. За тыном огромная степь. Утро. Солнца не видно.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Проверьте оси. Колеса дегтем
Обмажьте. Крепки ли хомуты?
Подпруги такие, что тронешь ногтем —
И разом разлезутся. Слушай ты,
Григорий! Их надо прошить иглою
На совесть! Ну-ка, поторопись.

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

Успеем. Всегда не даешь покою.
Братва отдыхает, а ты трудись.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Довольно! Без разговоров! Дмитрий,
Кузов обмой да отглобли вытри.
Петро, зачем разеваешь рот,
Как следует, вычисти пулемет.
Коней подковать да покрасить дуги,
Чтоб пела земля, чтоб дрожал уезд.
Григорий, еще раз проверь подпруги:
Бог не выдаст, свинья не с'ест!

МАХНОВЕЦ *(вбегает)*

Каких-то красноармейцев трое
Подходят к нашему хуторку.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Красноармейцы! Я их накрою,
Как перепела на току.
Убрать пулеметы. Немедля скрыться.
Останутся двое. Петро и ты,
Григорий. У вас аккуратней лица.
Встречайте гостей. Я смываюсь в тыл.

(Со стороны степи к хутору подходят Коган и двое
красноармейцев).

КОГАН

Ребята! Сюда мы не заходили.
Степной хуторок, здесь пшеница есть.
Войдем. Отдохнем от проклятой пыли.
Хозяева, может, дадут поесть.

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

А все-таки лучше прошли бы мимо.
Здесь, кажется, самое бандитье.

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Махорки стрельнуть бы. Ей-ей, без дыму
Совсем уж каторжное житье.

КОГАН

Пожалуй, войдем (*махновцам*). Как
здоровье, братцы ?
Позвольте малость передохнуть.

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

Садитесь.

КОГАН

Сумем ли мы добраться
До станции нынче?

ВТОРОЙ МАХНОВЕЦ

Недельный путь.

КОГАН

Так, может быть, можно у вас немного
Поест да кувшин молока добыть?

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

Можно, пожалуй.

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

А мне, небого,
Хотя бы люльку махрой набить.

ВТОРОЙ МАХНОВЕЦ

Можно, пойдём (*махновцы уходят*).

КОГАН

Да, народ корявый,
Обидел их кто иль просто так.

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Об этой округе дурная слава:
Везде бандит, дезертир, кулак.

КОГАН

Смотрите, солнце встает, ребята,
Такое туманное, как в пыли.
Как тянет горечью!

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Это мята.

КОГАН

Как травы шумят!

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Это ковыли (*медленно встает солнце*).

(*Махновцы возвращаются*).

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

Не обессудьте: вот чашка меду,
Житняк да макотра с молоком.

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

Шамовки столько, что хватит взводу.
А нам и не справиться втроем (едят).

КОГАН

Я прошу ответить честно,
Прямо, без уклона,
Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посевы? Как налоги?
Падают ли овцы?
Не бывают ли налетом
В хуторах махновцы?

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

Ну, что самогон. Без него, конечно,
В крестьянской работе не обойтись.

ВТОРОЙ МАХНОВЕЦ

Посевы? Какие посевы? Вечно
Налоги, разверстки. Бранись, дерись.

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

А что до махновцев. У нас в округе
О них и не слышно. Их нет еще.

(Из окна хаты вылезает голова начальника штаба).

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Григорий! Куда подевал подпрути?
Пропил, наверно? Давай отчет!

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

Сначала справлюсь с большевиками,
Потом рассчитаюсь. (Орег). На помощь!
Гей!

(Спрятанные махновцы набрасываются на красноармейцев).

ВТОРОЙ МАХНОВЕЦ

Вот гад, как работает кулаками!

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

Хватай его за ноги! Камнем бей!
Веревку! Сюда! Прикрутите руки!
Держи! Навались! Не жалейте рук!

КОГАН

Ребята! Обыкновенные штуки!
Махновские фокусы! Старый трюк!

(Из хаты выходит Махно со штабом. Среди штабных Опанас и Раиса Николаевна).

АД'ЮТАНТ

Табуретку! Все в порядке.
Приведите пленных.

КОГАН

Братцы! Сколько дезертиров,
Ражих, здоровенных.

МАХНО

Э, да ты, остряк, я вижу!
Отвечай же толком:

Почему ты по округе
Бродишь тихомолком?
Почему ты в этот хутор
Сунулся без спросу?
Почему с тобою двое
Кацапов курносых?

КОГАН

Я на станцию шагаю
Дорогой недалней.
Кто я? Я простой закройщик
Из армейской швальни.
Двое отпусковых со мною
Из нашей же роты.
Мы за молоком и хлебом
Сунулись в ворота.

МАХНО

Это правда?

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Правда. Правда.

МАХНО

Значит, для почину
Добрых шомполов полсотни
Залепить им в спину.
Наша армия портными
Нынче не богата.
Пусть закройщик при обозе
Шьет штаны ребятам.

ОПАНАС (*тихо Раисе Николаевне*).

Вон того, в очках который,
Я знаю немного:
Это комиссар отряда —
Мой начальник Коган.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Говори! Чего ты медлишь?
Говори скорее!

ОПАНАС

Все-таки я, что ни делай,
Бывший продармеец.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Говори, когда ты знаешь,
Что это за птица.

ОПАНАС

Здравствуйте, товарищ Коган,
Пожалуйте бриться.

КОГАН

У меня на этом свете
Множество знакомых;
Ты ж бежал из продотряда,
Чтоб работать дома.
Твой подсолнух знаменитый,
Видно, повалился,
Как на новую работу
Ты определился.

МАХНО

Коган! Комиссар! Закройщик!
Выдумано ловко.
У тебя к вранью, приятель,
Добрая сноровка!

КОГАН

При чем тут вранье? Действительно, я
Закройщик, каких немного.
Рука выкраивает моя
Костюм для земли убогой.
Он сшит на совесть—этот наряд,—
Руками, как хочешь, двигай,
Его наденет пролетариат,
А вы получите фигу!

МАХНО

Очень здорово! Довольно!
Хватит разговоров.
Разом пуля успокоит
Большевицкий норов.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Нестор Михальч, не медля ни часа,
Пошли Опанаса! Пошли Опанаса!

МАХНО

Правильно! Возьми винтовку,
Выйди за ворота
Да закройщика в яруге
Разменяй в два счета.

ОПАНАС

Что ж, пойдем.

КОГАН (*красноармейцам*).

Прощайте, братьцы!
Придется расстаться.
Видно, не поевши, надо
Со света убраться.

(Выходят. Махно со штабом входит в хату)

КОГАН

Я устал. Жара. Не стоит
Уходить далече.
Дай-ка малость потолкуем
Для последней встречи.
Я, в предсмертный час покоя,
Этими руками
Барахлишко кой-какое
Подарю на память.
Дам тебе картуз хороший,
Кисет для махорки,
Гимнастерку. Мне не надо
Теперь гимнастерки. (*Раздевается*).
Пары брюк не пожалею —
Пригодятся дома,
Все же бывший продармеец,
Хороший знакомый.

ОПАНАС

Брось шутить, товарищ Коган,
Для чего мне это?

Повернись ко мне затылком
И глазами к свету.

КОГАН

Предавать умел — умей же
Посмотреть в глаза мне;
Нечего стоять под солнцем
Придорожным камнем.

ОПАНАС

Не могу! Сгибает руки
Чортова усталость (*опускает ружье*).
Слушай, Коган: три патрона
В обойме осталось.
Кровь — постылая обуза
Мужицкому сыну,
Утекай же в кукурузу —
Я выстрелю в спину.
Не свалю тебя ударом —
Разгуливай с богом;
Будешь снова комиссаром
Летать по дорогам.

КОГАН

(*снимает очки и тщательно их протирает*).

Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая,
Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая.
Прямо кинешься — в тумане

Омуты речные.
Вправо — немцы-хуторяне,
Влево — часовые.
Не уйдешь никак на волю
От банды окрестной,
Лучше я погибну в поле
От пули бесчестной.

(Опанас стреляет. Коган медленно падает. Опанас, опершись на винтовку, склоняется над ним).

ОПАНАС

Больше на село дороги
Мне, убийце, нету.
С горя топчите, ноги,
По белому свету.
За волами шел когда-то,
Воевал солдатом,
Я ли в сахарное утро
В поле вышел катом.
Вижу, кинутая в плясе
Голосит округа:
Опанасе, Опанасе,
Катюга, катюга,
Верещит бездомный копец
Под облаком белым:
С безоружным биться, хлопец.
Последнее дело!
Павла, горькая невеста,
Рыдай неустанно:
Заросла моя дорога

Кустами бурьяна.
Больше не увижу света,
Мертвый колос высох.

ГОЛОС РАИСЫ НИКОЛАЕВНЫ
Опанас, откликнись! Где ты?

ОПАНАС

Я иду, Раиса.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Попов лог. В глубине оврага стол, зазеленный кустами. На столе обыкновенная керосиновая лампа. Ночь. Укрывшись шинелями, спят махновцы на земле вповалку, как полвыцы. Раиса Николаевна и Опанас сидят в углу. На каждом гребне оврага по часовому. Их черные фигуры темнеют в ночной синеве.

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

В зеленом садочке,
У Буга на взгорьи,
Цвети, моя вишня, цвети.
На тихие воды,
На ясные зори,
Лети, мое сердце, лети!

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Звезда полевая
Над брошенной хатой,
Дождями размыты пути.

На пламя пожара,
На дым языкатый,
Лети, мое сердце, лети!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Я крикну: любовь моя,
Выйди из дому,
Я здесь — только двор перейти.
К высокому тыну
На берег знакомый
Лети, мое сердце, лети!

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Порубан отец,
И потоптано жито,
Невесты моей не найти...
На пепел постылый,
На берег размытый,
Лети, мое сердце, лети!

ОПАНАС

Кончено! Моя дорога
Назад не вернется.
Только плакать остается,
Как выпь у болотца.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Если нет назад дороги —
Вперед без оглядки.

ОПАНАС

Что же впереди: тревоги,
Пожары да схватки.
Никогда уже не буду
Я таким, как прежде.
Кровь на пальцах,
Кровь на сабле
И кровь на одежде.

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

На синем Дону
Зацветают черешни,
Сильней, соловейко, свисти!
Над озимью сладкой,
Над пасекой вешней,
Лети, мое сердце, лети!

ОПАНАС

Убивал я, не жалея,
Поджигал и грабил,
Я врывался, как безумный,
В перебранку сабель.
И теперь один, покинут,
Весь в крови, обруган,
Я без дома, без невесты,
Без жены, без друга!

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Так не думай. За туманом
Спинуло былое,

Тольк птичий крик тачанок,
Только поле злое,
Только сабля запеваает,
Только мчатся кони,
Только плещется над миром
Черный рой вороний!

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

На мертвом пороге
Ковыль вырастает,
По трупам домой не пройти.
За граем вороньим,
За галочьей стаей,
Лети, мое сердце, лети!

(Шагая через спящих махновцев, проходит Павла.
Она ищет Опанаса. Махновцы, лежащие на земле,
хватают ее за ноги).

ПЕРВЫЙ МАХНОВЕЦ

Стой, молодуха! Ложись со мною,
Я кожухом тебя всю покрою!

ВТОРОЙ МАХНОВЕЦ

Сюда! У меня на земле привольно.
Скажу тебе сказку — будешь довольна!

ТРЕТИЙ МАХНОВЕЦ

Эх, небось от начальника штаба?
Всегда у него, что ни ночь, то баба.

ОПАНАС

Павла? Здесь? Ко мне! Скорее!

ПАВЛА

Долго я искала!

ОПАНАС

Что ж, садись рядком со мною,
Разве места мало?

ПАВЛА

Ой, Панько, что с тобою случилось?
Почернел ты и похудел.
Видно, в кости вошла усталость,
Видно, запил иль заболел.
Вижу, руки твои ослабли,
Голова твоя тяжела.
Встань! Сломай об колено саблю!
Выйди в степь да покличь вола.
Вся земля в предвесеннем дыме,
Бьют младенческие ручки,
Колокольцами молодыми
Разливаются соловьи.
Выйди в степь и ярмо тугое
На вола своего надень;
От зари и от перегноя
Сладковатый туман и лень.
Черный чуб твой, намокший потом,
Из-под шапки на лоб падет.
Здравствуй, медленный пот работы,
Здравствуй, трудный крестьянский ног!
Как придешь ты перед закатом,

Я под вишней поставлю стол,
Свежей глиной обмажу хату
Да песком пересыплю пол.
Я еду тебе приготовлю,
Слаще той, что ты здесь едал.
Ты мне скажешь, войдя под кровлю:
Слушай, Павла, наш час настал!
Ставни стукнули. Тише. Тише.
Никого. Только я и ты.
Только аист скрипит на крыше,
Да за тыном кричат коты.
А захочет рассвет белесый
В нашу горенку заглянуть,
На затылке скручу я косы,
Под сорочку упрячу грудь.
И мы выйдем с тобою в поле,
Мы вдвоем — только ты да я.
Здравствуй, радостная до боли,
Набухающая земля!

ОПНАС

Я пойду с тобою. Я снова
Возвращусь в деревню.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Опанас! Опять работа!
Овцы, куры, певни.
Прошибет тебя до пота
Едкий энрой весенний.
Ты в обед поставишь миску

С тюрей на колени,
Чтобы, не доев, за плугом
Двинуться с волами.
Гей, Панько! Ужель ты хочешь
Распрощаться с нами?
В берег грянули с размаху
Реки молодые.
Ржут, почуяв дух полыни,
Кони боевые.
Степь весенняя дымится
Рыжими цветами,
Закипает соловьями,
Клекчет беркутами.
И тачанки наши стонут
И грохочут бубны,
И повстанцев погоняет
Дикий голос трубный.
И с бичом, летящим косо,
В синеву и пламя,
Я несусь простоволосой,
И взрываются колеса
Где-то под ногами.
И припав к луке высокой,
Пригибая травы,
Опанас, ты скачешь сбоку
С шашкою кровавой.
Гей, весна! Стучат копыта!
Ветер! Ветер! Ветер!
Все пропето! Все пропито!
Никого на свете!

ОПАНАС

Я б остался. Только дома
Побывать мне надо.

ПАВЛА

Дай мне руку. За холмами
Звезды и прохлада,
И, дыша прохладой этой,
Мы пойдем лугами.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Брось ее! Панько, не сетуй!
Оставайся с нами.
Ты пойдешь одна. Довольно!
К чорту причитанья!

ПАВЛА

Собирайся. Нас в дороге
Подвезут крестьяне.
Завтра утром, перед солнцем,
Мы войдем в ворота.

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Поболтала! Хватит! Баста!
Уходи в два счета!

ПАВЛА

Не пойду!

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Пойдешь!

ПАВЛА

Ни шагу
Не ступлю одна я!

ОПАНАС

Уходи отсюда, Павла,
Уходи, родная!

ПАВЛА

Я уйду с тобою вместе,
Я пришла не даром!

РАИСА НИКОЛАЕВНА

*(Выхватывает саблю, висящую на боку
у Опанаса).*

Нет?! Так вот твоей невесте
Свадебный подарок! *(Рубит Павлу).*

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

У синего Дона,
В садочке, на взгорьи,
Цвети, моя вишня, цвети!
На тихие воды,
На ясные зори
Лети, мое сердце, лети!

*(Действие переносится к столу, за которым рабо-
тают Махно и штабные).*

АДЪЮТАНТ

Надо биться доотказа —
Все равно догонит.

ПЕРВЫЙ ШТАБНОЙ

У Котовского, конечно,
Притомились кони.

ВТОРОЙ ШТАБНОЙ

Притомиться — притомились,
Но ударят славно.

МАХНО

Дай, послушаем, что скажет
Наш начальник главный.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Надобно с большевиками
Нам принять сражение:
Покрутись перед полками,
Дай распоряжение.

МАХНО

Если драться, так уж драться!
Нынче спозаранок
Я ударю на комбрига
Армией тачанок.
(*Ад'ютанту*). Ну-ка, выдай перед боем
Пожирнее пищу,
Ну-ка, выбей перед боем
Ты из бочек днище.
Чтобы руки к пулеметам
Сами прикипели,
Чтобы хлопцы из-под шалок

Коршуньем глядели,
Чтобы порох задымился
Над водой днестровской,
Чтобы с горя удавился
Командир Котовский!

(С воза по длинной дощатой сходне скатывают
бочку).

МАХНОВЦЫ

Зовите завхоза! Сюда, завхоз!
Выкатывай бочку! Тяни взасос!
Громи прикладом! Еще! Не в счет!
Пошла... Еще раз! Течет! Течет!
Течет! Течет! Котелок давай!
Я прямо в шапку! Крепка! Ув-ва!
До чортиков напился,
В траву повалился.
Лежи в траве, повстанец,—
Окончился танец,
Хоть вылужена глотка,
Да яростна водка.
Лежи, раскинув ноги,
У самой дороги.

МАХНОВЕЦ (*подходит к Махно*).

Батько, вчера, как взошла заря,
В плен захватили мы кобзаря,
Стар до того, что башкой трясет...
Привести его, что ли. Пускай споет.

МАХНО

Приведите его.

МАХНОВЦЫ

Он идет сюда.

Белая свитка! Слепой! Борода!

Кобза на ремне! Смотри! Поводырь....

У парубка очи ясней воды...

КОБЗАРЬ

Куда я пришел? Не слышу базара.

Здесь дух такой, как после пожара.

Не слышу базара... Волон не слышу.

Здесь пахнет железом. Здесь водкой
дышат!

Где я? Здесь бабы не гомонят.

Хлопец! Куда ты привел меня?

МАХНО

Спой, старик, нам по-казацьи

О нашей удаче.

(Старик садится на камень и кладет кобзу на колени. Хлопец с подстриженной чолкой становится рядом с ним).

КОБЗАРЬ

Пшеница шумит

Перед близкой бедой,

Струится в ушаты

Кровавый удой...

О, горе нам, горе!

Предсмертные зори
Чадят головней
Над сожженной землей.
Зачем, Украина, ты в сумрак идешь?
О ком ты рыдасшь?
Кого еще ждешь?
Твой волос посекеся.
Иссохли сосцы.
В корявые ноги
Вонзились волчцы.
Деникин стегал тебя
Плетью тугой,
Пинал тебя гетман
Дворянской ногой.
И с черным туманом
Прошел ураганом
Петлюра над бедной
Твоей головой....
Махно угонял
Перепуганный скот,
Вымаривал
Смертной горилкой народ.
Весь мир наизнанку!
Взлетай на тачанку!
Ложись к пулемету!
И — кони вперед!
Кружится, пыля,
Под ногами земля,
Свистят тополя,
И пожары ревут...

И нет, Украина,
Пощады тебе,
Твой дом опозорен,
И проклят твой труд.

МАХНО

Вот раскаркался, проклятый.
Чего ему надо.

МАХНОВЦЫ

Ну и песня! В ней, ей-богу,
Ни складу, ни ладу.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Пей, ребята, перед боем,
Ешь, ребята, крепче!
Нечего, ребята, слушать,
Что бродяга шепчет.

(Вокруг бочек собирается все больше и больше народу. Какие-то нелепые фигуры пляшут. Часовые спускаются вниз).

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Меня качала в зыбке мать,
Меня слеза ее прожгла.
Уж никогда не вылезать
Мне из казачьего седла.

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

От пламени, как днем, светло.
За речкой пулеметы бьют,

Горит родимое село,
Где петухи мои поют.

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Покуда пуля не пробьет,
Иди вперед! Иди вперед!

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Покуда сабельный удар
Наотмашь не сразит меня,
В ночной набег, в степной пожар
Гони коня! Гони коня!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Меня крестьяне проклянут:
Убийца! Лодырь! Конокрад!
Глаза крестьянки отвернут:
Постылый! Уходи назад!

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Мой труп полынью зарастет.
Вокруг меня черным-черно,
И ворон весть не принесет
К моей невесте под окно.

МАХНОВЦЫ

Пей, не жалея!
Жри до отвала!
Гей, да зозуля закуковала!
Бабу бы надо!

Лошадь бы надо!
Водки нажрался —
Дрыхни, как падаль!
Бочку выкатывай!
Бочку! Бочку!
Значит, пропляшем целую ночьку.
Так и умрешь...
Рваный да пьяный.
Вьшем, ребята, за атамана!
(Расталкивая народ, вбегает махновец).

МАХНОВЕЦ

Где батько?

МАХНОВЦЫ

Гуляет где-то.

МАХНОВЕЦ

Где начальник штаба?

МАХНОВЦЫ

Завалился спозаранок
Под телегу с бабой.

МАХНОВЕЦ

Стойте! Слушайте, ребята!
От воды днестровской
Через Черный Виноградник
Двинулся Котовский.
Он прошел уже Затишье.

Житняки и Дубы...
Хлопцы, слышите над степью
Трубы, трубы, трубы...

(Звучат заглушенные расстоянием трубы Котовского).

МАХНОВЦЫ

Котовский! Котовский!
...Кончайте пьянку...
...Где батькин стол?
Запрягай тачанку...
Котовский... Котовский...
Огонь... Погоня...
Где часовые?
Котовский... Кони...
...Котовский... Труба...
Командиры к бою!
Труба... Трубы...
О трубе... Трубою...

(На бочку взбирается Махно).

МАХНО

Без вольнки! К пулеметам!
По команде сразу
Передать приказ по ротам
Биться доотказу!

ГОЛОСА

Где пулеметчики?
Спят вповалку...

Где пулеметы?
Свалились в балку.
Огонь! Огонь!
Передать по ротам!
...Котовский.
Не пьяные к пулеметам.
...Котовский... Труба...
Командиры к бою!
Труба... Трубы...
О трубе.. Трубою...

(Кобзарь, не замеченный никем, появляется снова.
Он садится на камень, кладет кобзу на колени.
Парубок становится рядом с ним).

КОБЗАРЬ

Проснись, бедолага,
Проснись, не дремли.
Армейские кони
Заржали вдали.
От окрика сына
Вставай, Украина,
Сын в бурке косматой
До самой земли.

(Трубы Котовского трубят тревогу).

Играет нагайкой
Червоный казак,
Широкою рысь
Переводит на шаг.
Из стремени ногу
И — прыг на дорогу,

Целует глаза,
Где слезящийся мрак...

(Трубы Котовского трубят рысь
«Рысью размашистой,
Но не распушенной
Для сбереженья коней!»).

Гей, мать, подымайся!
Скликай сыновей,
Из мертвых домов,
От несжатых полей,
С Карпатских нагорий
До Чернова моря,
От Киевских роц
До херсонских бакчей.

(Трубы Котовского играют галоп:
«Ну в галоп, в поводья, конь,
И шенкель ему в бок,
Собирайся, конь, совсем
В клубок!»).

Смотри, как встают они,
Злостью горя,
Жнецы, кузнецы,
Чабаны, слесаря,
В холщевых рубахах,
В бараньих папахах,
Затылок скребя
И махорку куря.

(Трубы Котовского трубят карьер:
«Скачи, леги стрелой!»).

Я слышу их голос,
Я слышу их шаг,

Они за холмом,
Они входят в овраг.

(Трубы Котовского играют «правое плечо вперед»:

«Ну, правым плечом дружно
На левый фронт врага!»).

ВТОРАЯ КАРТИНА

Комната в штабе. За окном празднично убранный провинциальный южный городок. Штабной сидит за столом. Два красноармейца приводят Опанаса.

ШТАБНОЙ

Разрешите папиросу,
Чаю, не хотите ль?
Сколько лет вам? Вы какого
Поселенья житель?

ОПАНАС

Чтс с Махно?

ШТАБНОЙ

Бежал к румынам.

ОПАНАС

Армия?

ШТАБНОЙ

Разбита.
Больше бешеные кони
Не потопчут жито.

(За окном музыка. По улицам проходят красно-армейские части).

ОПАНАС

В городе народ, тревога,
Музыка и ржанье.

ШТАБНОЙ

Украине на подмогу
Вышли северяне.

(Штабной подходит к окну).

Вот идут они рядами,
Сбитые толково.
Латыши. За латышами
Кони Примакова.
Москвичи в суконных шлемах,
Петроградцев роты,
На боках коней башкирских
Виснут пулеметы.

(Музыка. Штабной подходит к столу).

Гражданин, прошу по чести
Говорить со мною,
Долго ль вы шатались вместе
С Нестором Махною!
Говорите без обмана,
Не испуга ради,
Сколько сабель и тачанок

У него в отряде?
Говорите, но не сразу,
А подумав малость,
Сколько в основную базу
Фуража вмещалось?
Вам знакома ли округа,
Где он банду водит?

ОПАНАС

Что я знал! Коня. Подпругу.
Саблю да поводья.
Как дрожала даль степная.
Не сказать словами.
Украина — мать родная,
Билась под конями.
Как мы шли в колесном гrome,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка.
Наворачивала удаль
В дым, в жестянку, в бога.
Одного не позабуду:
Как скончался Коган.
Разлюбезною дорогой
Не пройдутся ноги,
Если вытянулся Коган
Поперек дороги.
Ну, штабной! Мотай башкою,
Придвигай чернила,
Этой самую рукою

Когана убило!
Погибай же, Гуляй-Поле,
Молодое жито...

ШТАБНОЙ

Гражданин! Надеюсь, боле
Ничего не скрыто.
Все рассказано, как надо.
Распишитесь с края.
Так. Вот здесь!

ОПАНАС

Еще немного:
Я припоминаю!
Он качнулся, понемногу
Оседая в травы.
Посинел. По окулярам
След прошел кровавый.
И еще припоминаю:
Часовые пели,
Кровью вымокла рубашка
На девичьем теле.

(Мимо окна конвоиры проводят Раису Николаевну.
Она слышит голос Опанаса. Останавливается. Ча-
совые подталкивают ее).

РАИСА НИКОЛАЕВНА

Опанас!

ОПАНАС

Она! Раиса!

ШТАБНОЙ

Гражданин! Ни шагу!

РАИСА НИКОЛАЕВНА

(ее не видно, доносится только голос).

Где ты, Опанас?

ШТАБНОЙ

Ни с места!

ОПАНАС

Отдавай бумагу *(рвет допрос)*.

Я иду к тебе, Раиса!

Подожди немного.

ГОЛОС РАИСЫ НИКОЛАЕВНЫ

Опанас!

(Опанас бросается к окну).

ШТАБНОЙ

Стреляйте, хлопцы!

Погибай, небого!

(Пауза. Потом музыка. По улице проходит красно-армейская часть).

ПЕСНЯ.

Как с востока дунул ветер
    Буревой.
Закружилось все на свете,
Конь заржал под грохот бубна
    Боевой.
Душен день. Земля в пожаре.
Подымайся, пролетарий!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редактора	5
Трактир	7
Александрю Блоку	21
Баллада о Виттингтоне	24
Ю г о - З а п а д	
I	
Птицелов	29
Тиль Уленшпигель	32
Ночь	35
II	
Песня о рубашке	40
Джон Ячменное Зерно	43
Разбойник	46
III	
Арбуз	53
Контрабандисты	56
IV	
Осень	60
Бессонница	62
Весна	65
V	
Голуби	68
Дума про Опанаса	73
VI	
Стихи о соловье и поэте	91
От черного хлеба и верной жены	94
Разговор с комсомольцом Н. Дементьевым	96
Трясина	102
Папиросный коробок	109
П о б е д и т е л и	
Происхождение	115
Романс карпу	118
Ода	120
Стансы	122
Эпос	123
Весна, ветеринар и я	125

	Стр.
Стихи о себе	129
Встреча	134
Можайское шоссе	139
Вмешательство поэта	142
Т Б Ц	146
Веселые нищие	151
П о с л е д н я я н о ч ь	
Последняя ночь	167
Человек предместья	177
Смерть пионерки	185
Д у м а п р о О п а н а с а	
Дума про Опанаса	193

Ответ. редактор К. Зелински
Техредактор Н. Греймер
Уполн. Главлита В—68372

Тираж 5000 экз.
С. Л. № 95
Сдано в проив. 7/II—34 г.
Подписано к печати 10, VI—34 г.
Количество листов 16

Бумага 72×110 с/м ^{1/32} Заказ № 431
Тип. газ. „Правда“, ул. Горького, 48.

